

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

КРАЙ НЕБА

Отдел 15-К

Андрей Васильев

Край неба

«Автор»

2023

Васильев А. А.

Край неба / А. А. Васильев — «Автор», 2023 — (Отдел 15-К)

Дорога кажется бесконечной, когда ты только начинаешь по ней идти, но в этом есть своя прелесть. Тебе не надо думать о том, что будет завтра, поскольку впереди только он - путь. А вот когда близок финиш, когда за любым поворотом ты можешь понять, что все закончилось, и теперь не очень понятно, куда идти дальше, то на душе становится беспокойно. Но то у людей, которые знай вечно сами себя накручивают. Другое дело ведьмаки, с ними все куда проще. Александр Смолин, например, крайне рад, что полученное им по весне поручение Хозяина Кладбища почти выполнено. Осталось только парочку беглецов поймать - и все, он снова сам себе хозяин. Или нет?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Васильев

Край неба

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями – не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Глава 1

Автобус время от времени слегка потряхивало, уж не знаю точно отчего. Может, потому что он был заполнен всего наполовину, может, от того, что чем дальше мы удалялись от столицы, тем чаще выбоины встречались на дороге.

Впрочем, меня этот факт совершенно не смущал, я вообще не обращал на него внимания, благо и так мне имелось чем заняться. Я жевал пирожок с яблоками, запивая его шипучим «Дюшесом», купленным на автовокзале, и размышлял о том, что было и что будет. Причем о «было» думать было куда приятнее, чем о «будет», даже при том условии, что со вторым ясности на данный момент куда больше, чем с первым.

Вика ушла, когда я еще спал. Даже не разбудила, что немного обидно. Ну да, ночка у меня выдалась, конечно, та еще, потому можно было бы списать подобное ее решение на гуманизм, но, думаю, дело совсем не в нем. Скорее всего, наступившее утро развеяло случившееся в ночной тиши, и Вика снова стала Снежной королевой, искренне верящей в то, что одиночество есть ее судьба. Думаю, что имейся у нее возможность стереть мне память, то она сделала бы это не задумываясь, чтобы навсегда из нее вычеркнуть все, что было нами друг другу сказано в моей квартире, и то, что случилось после откровенного предутреннего разговора. В общем, все вернулось в начальную точку, так сказать, в лучших традициях жанра. Я же жив, чего огород дальше городить?

Звонить я ей не стал, хоть и хотелось. Не потому, что я гордый, нет. Просто смысла в этом поступке не имелось ни на грош. Она бы все равно не ответила, я это наверняка знаю.

А жаль.

Потому я не стал мудрить, остаток дня посвятил праздной лени, а следующим утром отправился на автовокзал, тот, с которого отходили пассажирские автобусы в нужном мне направлении, а именно в ту сторону, где находилась экоферма со светлым и лиричным названием «Ладные ключи». Вот тоже интересно – почему «ладные»? Не «светлые», не «звонкие», а «ладные»? Или речь идет не о тех ключах, которые из земли бьют, а о каких-то других? Которые от всех дверей?

Оно, конечно, лучше было бы на поезде поехать, тем более что весьма комфортабельный «Сапсан» одну из своих немногочисленных остановок делал аккуратно в точке, приближенной к упомянутой экоферме. Полтора часа в бизнес-вагоне или вагоне-бистро, после полчасика на такси – и я на месте. Но вот только тогда мне пришлось бы ехать с почти пустыми руками, поскольку ведьмачий нож через вокзальную «рамку» я не пронесу. Ну да, можно было бы с собой прихватить Родьку, который хоть гаубицу протащить с собой куда угодно может, но этого я делать тоже не хотел. Не то место деревня ворожей, куда с собой его брать стоит, чересчур уж он у меня любопытен. Сунет нос не туда, куда следует, а отвечать за него мне придется. Или сожрет чего не то, лечи его после.

Да и плохого ничего в поездке на автобусе нет. Это же не раздолбанный ветеран подмосковных дорог вроде того, что я видел недавно, когда со Стасом и Маринкой ездил выкапывать останки незадачливого чухонца, верно? Тут мягкие сиденья, шторки на окнах, кондиционер – чего еще желать? А что еду дольше – оно и хорошо, есть время подумать. По моим нынешним делам уже большая роскошь.

С Вики мои мысли перескочили на Нифонтова, который мне нынче с утра позвонил, как раз перед тем, как я в автобус загрузился. Сначала поинтересовался здоровьем, после посоветовал внимательнее следить за собой и своевременно проявлять разумную осторожность, а затем дал тонкий такой намек на то, что я ему вроде как жизнью теперь обязан. Еле различимый, но все же четко читающийся. Впрочем, оно хорошо, значит, хоть в этой части все идет так, как должно. Тем более что я поддержал традицию, установившуюся у нас с оперативником, сделав вид, вроде как его и не понял, а после перевел разговор на другую тему. Ради правды, последнее слово и на этот раз все же осталось за ним. Злокозненный Николай сразу после того, как мы повесили трубки, прислал мне ссылку на итальянский портал, посвященный моде, где обнаружилось пространное интервью с маэстро Франческо Джильермо, в котором последний рассказывал о своей новой модной коллекции, ее показе в Москве и Милане, а также планах на ближайшее будущее, где значилась новая линия одежды под рабочим названием «Необычное в обычном». Так вот там, в самой середине, красовалась моя фотография, которая как бы знаменовала старт работ над коллекцией, ее некую отправную точку. Причем, что самое поганое, там находилась не та фотка, которая обошла отечественные ресурсы, а другая, на которой я выглядел совсем уж слащаво, да еще и с полуприкрытыми глазами. Ну и в фотошопе ее явно допилили, не бывает у меня на щеках такого румянца. Короче – капец, других слов нет.

Но, даже несмотря на это, повторюсь – все шло нормально. Вот случись по-другому, не дай Николай понять, что за мной числится должок, – тогда появился бы повод для беспокойства, который мне совсем не нужен. И без того со всех сторон то и дело неприятности сыплются.

Например, Ряжская снова отождгла. Только-только вроде ее вытащил из редкостной задницы, которая, судя по всему, даже не на нашем плане бытия находится, и нате вам, получите дубль два. Нет, в кому Ольга Михайловна по новой не впала, но при этом и благополучным ее состояние назвать очень трудно. Увы, но она, по ходу, реально двинулась рассудком. Ну да, Вагнер говорил мне про это, но, замечу, он изрядно смягчил акценты. «Заговаривается» и «несет полную околесицу» – два совершенно разных понятия. Впрочем, возможен вариант, что за минувшие сутки психическое состояние моей приятельницы изрядно ухудшилось. В любом случае человек, который со мной вчера вечером общался по телефону, мало чем напоминал ту Ольгу Ряжскую, которую я знал – умную, расчетливую, умеющую контролировать себя. Истеричный смех, бессвязные реплики, почти полное непонимание происходящего. Короче – беда.

Я Вагнеру сразу после беседы с ней позвонил, тот сказал, что из клиники ее, конечно, теперь никто не выпустит, что на завтра пригласил пару светил психиатрии, которые, возможно, что-то смогут сделать, как-то помочь. Ну, понятное дело, еще намекнул на то, что возможности нетрадиционной медицины, в отличие от официальной, по сути, безграничны, и что он меня всегда рад видеть в качестве собеседника и даже в чем-то коллеги. А то ведь кроме него дела до поехавшей рассудком Ольги Михайловны, похоже, никому нет. Ряжский, которого Петр Францевич известил о случившемся, только устало вздохнул, произнес: «Да сколько можно? Госпитализируйте и лечите», а после повесил трубку. Похоже на то, что супруг Ольги Михайловны настолько устал от происходящего в последнее время, что махнул рукой на все, кроме бизнеса. И, скажу честно, его где-то даже можно понять. С трудом, но можно. Он всегда жил другим, ставил перед собой задачи иного порядка, а тут все эти напасти – потусторонщина, жена, которая тянет в его до того привычный и понятный мир никому не нужные проблемы,

от которых потом их семейство страдает, плюс странные и неприятные люди, что постоянно вращаются в ее орбите... Понятно, что проще в какой-то момент сказать «Надоело», да и жить себе так, как раньше, делая вид, что все нормально. Жена просто снова заболела. Надо ей лекарства – купим любые. Нужны врачи – все оплатим. Но не более того.

Да и я ничем Рязжской помочь, скорее всего, ничем не смогу. Нет у меня средств от душевных болезней. От телесных – есть, не от всех, но от многих, а вот голова – с ней куда сложнее. Нервишки подлечить, сон наладить можно, но рассудок – нет, данная область не из моей сказки. Здесь та сфера познания, в которую мои предшественники не лезли, по крайней мере, я никаких записей на этот счет в книге не встречал.

Ладно, как вернусь, так наведаюсь в клинику, погляжу, что там да как. Может, к тому времени она сама оклемается. Прокапают ее чем надо, таблетками накормят, все и устаканится. Опять же – Бэлла. Если она вылечится, то и Ольге сразу получшеет, как мне думается, ведь у нее из-за сестры мозга за мозгу заехала.

В этот момент автобус рыкнул мотором и остановился. Не понял. Мы заглохли, что ли?

– Остановка десять минут, – зычно гаркнул водитель. – Если кому надо размять ноги, покурить или еще чего – валяйте. Только хабарики тушите получше! Лес наш друг, если кто не знает. Его беречь надо от вырубки и пожаров.

Какая прелесть! Я-то думал, мы без остановок будем к цели мчаться, а тут все в лучших традициях. Как говорит в таких случаях мой батя, мальчики налево, девочки направо. Нет, мне происходящее положительно нравится. Какой там поезд?

Что совсем замечательно, июнь в плане погоды в нынешнем году выдался именно такой, каким и должен быть – солнечным и жарким. Это все сказки, что самый теплый месяц август. Нет, где-то на юге – может быть. А у нас есть июнь и часть июля, именно на них вся надежда, они – главное лето средней полосы России.

– Благодать, – сообщила мне девушка, которая во время поездки сидела прямо за мной. Симпатичная, я не нее внимание обратил еще тогда, когда она только в салон вошла. – Обожаю, когда много солнца!

Она раскинула руки в стороны, как бы пытаюсь ими обнять недоступное светило, запрокинула голову назад, подставляя лицо лучам, и зажмурилась от удовольствия.

– Лето – это очень хорошо, – согласился с ней я. – Особенно теплое.

Увы, но развить тему лучшего времени года я не успел, смартфон помешал. Кто там еще? Кого я сейчас куда подальше пошлю? А, нет, этому товарищу можно и ответить.

– Добрый день, Александр, – поприветствовал я помощника Носова. – Вы знаете, что у вас есть невероятный талант, скорее всего врожденный?

– Какой именно? – поинтересовался звонящий, причем, ручаюсь, сейчас он скривился так, будто лимон откусил. Просто надоел я ему невероятно, можно даже не сомневаться. И если бы не принципал, он бы давно уже отправил нескольких своих подручных мне ребра пересчитать, а то и чего похуже сотворить. И те, к гадалке не ходи, с невероятной радостью на это дело подписались бы.

– Вы всегда звоните в такой момент, когда для разговоров совсем нет времени. Вот как вам удастся прихватывать меня в подобные моменты? Нарочно вряд ли, так что да, не сомневайтесь, это талант.

Девушка приоткрыла глаза и глянула на меня, в ее взоре мелькнула смешинка.

– Надолго не задержу, – уведомил меня Александр. – Первое, что хотел сообщить, Илья Николаевич послезавтра возвращается в Москву. В четверг в одиннадцать часов дня он хочет вас видеть в своем офисе.

– Саша, ну вы же заранее знаете, что услышите в ответ? – чуть укоризненно произнес я. – Уверен, что да, мы же не первый день знакомы.

– Мое дело довести до вас информацию, – холодно пояснил помощник Носова.

– Хорошо, я ее принял. И сразу, тоже для проформы, уведомляю вас, что я понятия не имею, где буду в этот четверг вообще и в одиннадцать часов утра в частности. Может, в офисе Носова кофий испью, может, буду стоять на набережной Фадеева, что находится в славном городе Кимры, и на Волгу глядеть, а может, буйабес кушать в порту Марселя. Там, знаете ли, есть одно заведение, социально сомнительное, но зато...

– Еще раз – я вас уведомил, на этом моя зона ответственности кончается. Если нужно будет прислать машину – позвоните или напишите.

– Саша, все это говорится не для того, чтобы вас позлить, и не для того, чтобы что-то доказать вашему шефу, – примирительно пояснил я. – Просто моя жизнь не укладывается в странички планинга, понимаете? Она устроена по-другому. Я, конечно, постараюсь выполнить просьбу Ильи Николаевича, тем более что он оказал мне на днях очень важную услугу, только гарантий дать не могу. Но обещаю помнить о том, что вы донесли до меня информацию.

На самом деле, если буду в Москве, может, и схожу. Почему нет? Опять же, Носов обещал привезти мне подарочек в виде сушеных листьев и сока растения кассия, а это серьезный стимул.

– И еще. – Я подмигнул светловолосой девушке, которая в этот момент тоже достала из матерчатой сумки, ремень которой был перекинут у нее через плечо, смартфон, а после отошел чуть в сторонку, не желая, чтобы она слышала то, что я сейчас скажу собеседнику. – Саша, предлагаю вам совершить небольшой обмен любезностями.

– Какой? – мигом насторожился тот.

– Вы соберете мне информацию об одном человеке, а я не стану рассказывать Илье Николаевичу о том, как была разбита одна машина из его автопарка. Ну, помните тот почти новенький «Ленд-Ровер», что пришлось эвакуировать с подмосковной трассы после удара о придорожную березу?

– Слабенькая попытка. – В трубке раздался негромкий смешок.

– Так и вы показали себя не с самой сильной стороны, – парировал я его выпад. – По сути, вы ведь эту парочку чуть прямиком на тот свет не отправили.

– Я? – переспросил мой собеседник. – Разве?

– Вы-вы, – заверил его я. – Просто если бы эти двое все же добрались до того места, куда мы с приятелем направлялись, то там и остались бы навсегда. И не надо сейчас мне говорить что-то вроде: «Вы недооцениваете моих сотрудников». Они, скорее всего, действительно крепкие и умелые парни, но там, куда мы ехали, толку от их умений и навыков ноль. Просто поверьте в то, что это на самом деле так.

– Неужели вы им не помогли бы, случись что? – уточнил Александр. – Все же мы служим одному и тому же человеку.

– Нет, – ответил я, – причем сразу два раза «нет». Первый – не помог бы. Одно дело, если бы они пришли со мной, тогда другой расклад, тогда мы союзники и в беде должны стоять друг за друга. А так... Это их выбор, их драка и их смерть.

– А второе «нет»?

– Можно подумать, вы не поняли! Сто раз же говорено. Ладно, поясню в сто первый. Вы все служите одному человеку, верно. А я – нет. Я на него даже не работаю, просто время от времени оказываю эксклюзивные услуги на взаимовыгодной основе. И, кстати, предоставление информации, о которой я вас попросил, включено в мой гонорар. Но я заинтересован в том, чтобы вы сделали работу хорошо, так же, как в прошлый раз, потому хочу решить наши общие вопросы добром. К слову – спасибо, мне ваши материалы тогда очень здорово помогли. Так вот. Думаю, два расквашенных носа вместо двух растерзанных тел, которые вы никогда и бы не нашли, – это достаточное основание для того, чтобы вы быстро и качественно выполнили мою скромную просьбу. Ну и я, как обещано, промолчу про разбитую машину.

Растерзанных... Скажем прямо – съеденных. Уверен, Дормидонт и его детки не отказались бы побаловать себя свежатинкой. Я уж молчу о том, какую свинью эта парочка могла бы нам с Валеркой подложить. Поди объясни потом злым как собака оборотням, что это не подстава, а просто два дурака, влезших туда, куда не следует.

– Вышлите мне данные того человека, который вас интересует, – после небольшой паузы произнес Александр. – Как скоро вам нужна информация?

– Опять вы задаете вопрос, который лишен всякого смысла, – вздохнул я. – Чем быстрее – тем лучше. И самое главное – смерти в его окружении. Товарищ был профессором в ВУЗе, так что студенты, коллеги, само собой – родные и близкие. Понимаю, что задачка непростая, но и ваши возможности велики, с моими не сравнить.

– Хорошо, что можем – сделаем, – пообещал Александр. – Как будет готово – вышлю результат вам на почту.

– И в «ватсап», – тут же попросил я. – Если не сложно. Данные прямо сейчас сброшу.

Кто знает, насколько я зависну у ворожей? А так будет что почитать на ночь.

– Хозяин, по ходу, все, остановка закончена, – крикнул мне из дверей автобуса Толик, который остался внутри стеречь рюкзак. – Давай лезь обратно!

Подтверждая его слова, водитель пару раз бибикнул, давая понять всем, кто был снаружи, что пора двигаться дальше.

Не думаю, что я Александра сильно смутил своими словами об аварии на трассе, более того, уверен, что Носов уже все знает. Но вот упоминание про возможную смерть его подручных, он, похоже, к сведению принял, потому и не стал артачиться. Надо заметить, что он вообще чем дальше, тем больше вызывал у меня определенную человеческую симпатию. Этот парень жил по какому-то своему кодексу чести, в котором все было четко разграничено и прописано, подобное не может не подкупать. Более того – он не старался казаться тем, кем не является. Не просто же так он уехал тогда вечером с финовцами, хотя и видел, что мне крепко досталось, настолько, что я вот-вот дуба дам. Но он не хотел мне помогать и не стал этого делать, причем в открытую, не маскируя свои действия какими-то дежурными словами. Просто уехал, и все. Опять же – после не позвонил, не спросил для проформы с лживым сочувствием для набора очков моей симпатии – мол, как ты там, живой? Ведь мог бы, но не стал.

Цельная натура, ничего не скажешь. Потому, если дело все же дойдет до открытой конфронтации с Носовым, именно этот славный парень первым познакомится с Павликом. А что остается делать? Он ведь до последнего будет защищать своего шефа, а если останется жив после его смерти, то примется мне мстить.

Но перед тем мне его непременно нужно будет порасспросить на тему найма киллеров, ту, о которой при нашей последней встрече упомянул Илья Николаевич. Сидела эта заковыка у меня в памяти, как заноза в пальце.

Автобус тронулся с места, размявшийся народ весело переговаривался и шуршал пакетами с заранее купленной или даже приготовленной едой, отчего по салону потянулся запах шаурмы, котлет, чесночка и даже малосольных огурчиков. Завидую, я бы сейчас ими тоже с удовольствием похрумкал.

А вот соседка сзади в общее движение вливаться не стала, предпочтя духовную пищу материальной, она слушала какую-то музыку и смотрела в окно. Поймав мой взгляд, она вновь одарила меня улыбкой, а после лукаво подмигнула.

– Странная она какая-то, – сообщила мне Жанна немедленно. – Лыбится постоянно и одета не пойми как. Фенечки еще эти...

Ну да, наряд на девушке на самом деле был не из обычных, при взгляде на нее вспоминались хиппи времен прошлого века вроде тех, что я видел на батиных фото в семейном альбоме. Он ведь у меня по молодости хипповал, полстраны исколесил, стал завсегдаем в отделениях милиции и, если бы не мама, бог весть до чего мог достукаться. Нет, неформалов, по его расска-

зам, в те годы уже не так зажимали, как раньше, но средства для расширения сознания, которые хиппи очень уважали, все же штука очень коварная. Но мама вовремя бату взяла в ежовые рукавицы, объяснив, что любовь сколько угодно может спасти мир, но непосредственно им, как новой ячейке общества, куда важнее получить отдельную квартиру от предприятия, потому как над страной вовсю дуют ветра перемен, а они первым делом сметают прочь социальные блага. И ведь успела получить, правда за изрядную мзду, по-другому было никак.

Так вот – эта девчонка очень похожа на тех, которые на черно-белых батиних фотках стояли, сидели и даже лежали. Белая хламида с красно-синей вышивкой по краям, упомянутые Жанной фенечки на руках, необычная прическа и ожерелье из больших разноцветных бусин на груди. Только что венка из ромашек на голове не хватает.

– Я таких возил, – вступил в беседу Толик. – Они большей частью малахольные, но в целом безобидные. Поболтать очень любят, могут даже песню спеть. Мне вот такая же однажды всю дорогу от «Шарика» до Кутузовского на эльфийском языке песни пела и стихи читала.

– На каком? – опешила Жанна.

– На эльфийском, – повторил таксист. – Я ни хрена тогда не понял из того, что услышал, но было забавно. А звали ту деваху Элториэль. Я даже имя ее запомнил, прикинь?

Кстати, да, может, моя соседка действительно из славного племени ролевиков. Что-то я такое даже читал, вроде в этих краях как раз проводятся всякие слеты и игрища любителей старины глубокой и тому подобной экзотики.

Ну а следом за тем мелькание деревьев за окном автобуса меня мало-помалу убаявало, и я провалился в сон, да такой, что даже не заметил, как мы прибыли к месту назначения. Жанне даже пришлось мне в ухо запыленным голосом проорать слово «приехали», причем трижды. Ну, если не приврала, разумеется.

Выйдя из автобуса, я огляделся. Все выглядело как на фото в «Яндекс-картах», я находился на эдаком небольшом автовокзале. Вон там, левее, стоят маршрутки, и одна из них, за номером 44, может довезти меня до конечного пункта назначения. Вот только не улыбается мне сначала ждать, пока она отправится, а потом, обливаясь потом, шкандыбать на ней минут сорок, а то и больше, останавливаясь на каждом углу. Потому я без особых раздумий пошел направо, туда, где выстроилась небольшая шеренга автомобилей разной степени раздолбанности.

– В те, что с левого краю стоят, не садись, – предупредил меня Толян, опытным взглядом окинувший машины. – Рухлядь, в салоне наверняка воняет не пойми чем, а цену с тебя возьмут, как за «бизнес-класс».

– Ты даже водителей не видел, – фыркнула Жанна. – Откуда такие выводы?

– Ты в моде разбираешься и в мужиках, а я в машинах и водителях, – осек ее таксист. – Раз говорю, значит, знаю.

– Куда едем, брат? – Из синей «короллы», входящей в число тех, которые мой спутник сразу забраковал, вылез брюнет в темных очках и с синеватой щетиной на щеках. – Давай садись, довезу быстро и недорого. Машина – зверь, отвечаю!

– Слушай, Самвел, ты зачем так, э? – возразил ему другой водитель, толстенький армянин. – Не надо демпинговать, слушай! Некрасиво поступаешь. Человек сам разберется, с кем ему ехать, с тобой или со мной.

– Видишь белый «ниссан»? – тем временем сказал мне Толян и для верности ткнул пальцем в тот автомобиль, про который шла речь. – Этот нам подойдет. И денег запросит в меру, и доставит нормально, без приключений.

Я подошел к машине и спросил у водителя, который стоял рядом с ней:

– До экофермы «Ладные ключи» довезете? Это не очень далеко отсюда, километров...

– Да знаю, где это, – перебил меня немолодой мужчина в полосатой толстовке и белой кепке. – Тысяча.

– Нормально, – кивнул Анатолий. – А те с тебя полторы-две срубил бы, не меньше.

По московским меркам и полторы-две не так и много, учитывая то, что обратно машина пойдет порожняком. Но почему бы не потрафить помощнику? Мне все равно, а ему приятно доказать свою полезность.

– Едем, – согласился я.

– Ну, Сурен, ты доволен? Ни тебе, ни мне, а Васе! – громко осведомился у толстячка водитель «короллы». – Ара, маркетолог хренов!

– Садитесь, – с легкой усмешкой глянув на коллег, сказал нанятый мной таксист. – Поехали.

– Простите, а меня вы с собой не возьмете? – раздался девичий голос у меня за спиной. – Вы же в «Ладные ключи» едете, я правильно услышала?

Рядом со мной стояла соседка по автобусу, разбавившая свой и без того необычный внешний вид огромными очками, закрывавшими чуть ли не пол-лица.

– Правильно, – кивнул я. – А вам тоже туда?

– Ага, – кивнула девушка, при этом очки чуть не сорвались с ее курносого носика. – Просто маршрутка только-только уехала, а другая через час, не хочется время терять. А так и быстрее, и, если вдвоем, вроде не очень дорого выходит.

– Да и безопаснее, – с ноткой иронии добавил водитель. – Мало ли что?

– Вовсе нет, – возразила ему девушка. – О плохом вообще не надо думать, тогда оно с тобой не случится. Таков главный закон жизни.

– Еще одна блаженная, – вздохнул Василий. – Откуда вы такие беретесь? Ладно, не мое это дело. Так что, едем?

– Конечно, – я открыл дверь и махнул рукой, приглашая девушку в салон, – но одно условие – плачу я. Никаких «пополам» не надо.

– Хорошо, – легко согласилась она. – У меня денег не очень много, если честно, так что я только за.

И правда, чудачка какая-то. Едет из Москвы, за последние годы до упора пропитавшейся духом феминизма, и даже ничего вроде «Я сильная и самодостаточная женщина, потому плачу за себя сама, понял?» не завернула. С ума сойти!

«Ниссан» тронулся с места и шустро помчался вперед. Городской пейзаж довольно быстро сменился сельским, за окнами замелькали аккуратные домики-близнецы многочисленных СНТ.

– Полина, – обратилась ко мне попутчица. – Можно Полли, мне так больше нравится.

– Александр. – Я пожал протянутую руку, отметив ее крепость. Может, и вправду она «ролевик»? – Очень приятно.

– А ты зачем в «Ладные ключи» едешь? – спросила она у меня. – За духовным очищением или что-то другое в планах? Я вот разобраться в себе хочу. Запуталась совсем, потеряла путь, хочу просить Яромилу мне помочь. Нет, я раньше уже там была, тогда она мне отказала, но кто знает, может, сейчас согласится?

Водитель крякнул и выдал что-то неразборчивое, вроде «Эхма, бабы дуры». Что до меня, я немного удивился. То, что ворожеи сделали из своего поселения доходное предприятие, мне было ясно с самого начала, но я считал, что они зарабатывают на другом. Славянское ретро, девицы-красавицы с косой по пояс, молочко, творожок, коровки, пироги из печи, книги из серии «Путем пращуров», разнообразный мерч и так далее. А если это чудо в перьях послушать, то, выходит, там не аттракцион «От оно как было тогда» находится, а штаб-квартира тоталитарной секты. Духовное очищение, жизненный путь, все такое. И это не есть хорошо. Это уже совсем другие игры.

Яромилу. Не та ли это великая мать, о которой Веряя мне говорила? Их старшая?

– С духовностью у меня все нормально, – заверил Полли я. – Просто интересно стало глянуть, что это место. У меня тут знакомая побывала, много рассказывала, правда не упоминала, что тут еще и духовные практики есть.

– Только для избранных, – наконец стянула очки с носа попутчица. – И исключительно для женщин. Вернее, для девушек.

Интересно, это она имеет в виду возраст или какой-то другой признак?

– Да это просто шовинизм какой-то, – притворно возмутился я. – И сексизм. Толерантности ноль.

– Таковы священные заветы, идущие из тьмы веков, – возразила мне Полина, похоже, не понявшая моей шутки. – Знаешь, там от матери к дочери передаются секреты, которым тысячи лет. Тысячи! Вот и получается, что если и искать себя, то только там. Где же еще? В прошлый раз меня даже к забору, за которым дом Яромилы стоит, не пустили, сказали, что я городом испорчена, он мою сущность дотла выжиг. Вот, еще раз хочу попробовать. Может, на этот раз выйдет? Не зря же я над собой работала весь этот год.

Нет, точно блаженная. А почему ее к их старшей не пустили, я, похоже, знаю. Денег у этой бедолаги нет, так чего ради тогда на нее время тратить? Вот имелся бы у нее папа богатый или, к примеру, папик, то и во двор бы пустили, и в дом, и даже на печку разрешили слазать.

Н-да. Интересно, а они точно умеют зелья варить? Стоит им мандрагир отдавать? Что-то я начинаю сомневаться. Хотя... Носов-то ожил. Вон умотал на Филиппины и ничего, не помер, раз перенес многочасовой перелет и тамошнюю влажность.

Машина миновала светлую березовую рощу и остановилась перед аркой, оплетенной вьюнком, на которой красовалась надпись: «Экоферма “Ладные ключи”». За ней начиналась неширокая дорога, замощенная светлой плиткой и ведущая к поселку, который находился где-то в километре от нас.

– Дальше мне нельзя, – сказал водитель. – Все, кто приезжает сюда, должны от этого места пешком идти, а то внутрь не пустят. Вы не первые, кого привожу, потому знаю точно, что к чему.

– Верно-верно, так и есть, – покивала Полли и выбралась из машины, поблагодарив напоследок водителя.

– Приглядывай за ней, – негромко сказал мне Василий. – Ты мужик, с тобой тут ничего не случится, а вот с ней... Малахольная ведь, сам же видишь.

– А что, с другими девками случалось? – уточнил я, протягивая ему деньги.

– Поеду я, – уклонился от ответа водитель, а после сунул мне визитку. – Если надо будет обратно на вокзал добраться – звони. Приеду.

– Благодарю, – сказал я, вылез из машины, хлопнул ладонью по ее крыше и быстрым шагом потопал вслед за Полиной, которая не стала меня ждать.

Глава 2

Не знаю почему, но поселение ворожей изначально представлялось мне как нечто идеальное. Ну, как те деревни из слащавых рекламных роликов, в которых невероятно благообразные и чистенькие старушки поят свежим молочком, только-только из-под коровки, улыбающихся щекастых внуков или потчуют оладушками своих подросших детей, а те жуют, после смотрят в окно, за которым раскинулись родные просторы, и говорят: «Как в детстве». Эдакая сельская пастораль в представлении горожан, которые, может, вообще никогда за МКАД не выезжали и не понимают, как оно все обстоит на самом деле. Ну вот не знают они, что с того молочка городских детей, скорее всего, вскоре нереально жестко пронесет, и что кроме забора в окно ни они, ни их родители ничего увидеть не могут. У нас любая загородная жизнь вообще начинается с забора и мангала. Дома еще нет, а они уже есть.

Но лично мне все равно представлялись аккуратненькие домики в окружении деревьев, порхание бабочек и лучи солнца, ласкающие всю эту благодать.

И знаете что? В чем-то я оказался прав. Не во всем, разумеется, но в какой-то части – да. Например, упомянутых мной заборов тут попросту не было, никто ни от кого тут не огораживался, и десятки узеньких тропинок петляли прямо между домами, время от времени переплетаясь друг с другом. Домов, кстати, здесь стояло не то чтобы мало, на глазок десятка четыре. Из них тридцать с гаком жилых, добротных, сделанных на славу, брусовых, да с полдюжины зданий общественного назначения – двухэтажная гостиница, которую в разговоре упоминала Верея, что-то вроде управы, столовая и так далее. Ну и коровники с овчарнями имелись, как без них. Именно они и давали понять, что это поселение вполне земное, а не эфемерное, ибо запах навоза любого возвышенного горожанина сразу спускает с воображаемых рекламных небес на грешную землю.

Но в целом неплохо так обосновалась экоферма, со знанием дела. И цветущий луг вокруг имеется, и лес у них под боком, и речушка слева волной плещет, причем достаточно широкая и полноводная.

Что до местных обитательниц, то они, при всей своей внешней улыбчивой радушности, дальше первого дома нас взяли, да и не пустили. Как-то очень ненавязчиво несколько ворожей заступили дорогу мне и Полине сразу после того, как мы пересекли некую незримую черту, отделяющую экоферму от остального мира.

– Многих лет жизни вам, люди добрые, – произнесла одна из них, делая шаг вперед. – Мы всегда рады гостям, но званным. Не обессудьте за мои слова, но вас сегодня тут не ждали. С понедельника по среду у нас технические дни, нынче же вторник, потому экоферма закрыта. Вот четверг придет, тогда ждем вас, желанные, в гости. Сердечно примем, как водится, не сомневайтесь, хоть с групповым туром, хоть с индивидуальным. Ну а если вам охота прикупить молочка от наших коровок, сметанки, творожка – так на повороте, у остановки, магазин стоит. Там же и сувенирную продукцию можно приобрести.

Хороша девка, ничего не скажешь. В цветастом сарафане по колено, крепкая, высокая, статная, грудастая, щеки румяные, глаза искрятся. Чудо что такое, загляденье просто. Но при этом я всем своим существом чувую, что она, если понадобится, от слов к делу перейдет с легкостью, и с такой же доброжелательностью нам шеи свернет. Если получится, конечно.

– И даже со скидкой, – добавила еще одна ворожея, совсем юная, на глазок ей лет шестнадцать, не больше. – Слово-промокод нынче «изок». Назовите его продавщице, она пятнадцать процентов от цены сбросит.

– Остроумно, – рассмеялся я. – А в следующем месяце, надо думать, этим словом «липень» будет?

– Ты чего-нибудь понял? – спросила Жанна у Толика, тот в ответ молча мотнул головой. – Я тоже. Изок, липень... Хрень какая-то. Ладно, пойду осмотрюсь.

– Так я не экскурсантка, – жалобно пролепетала Полина. – Я за другим приехала. Лучислава сказала в прошлый раз, что мне надо себя найти, и тогда...

– Помню тебя, – сказала та из женщин, что была постарше остальных, ей за сороковник точно перевалило. Да и стояла она наособицу от товарок, чуть позади остальных. – И то, что было сказано, тоже. Тебе было велено не являться без спроса. Разве не так?

В этот момент молоденькая ворожея встрепелась, повертела головой, глянула в ту сторону, где мимо нее только что проскользнула голубой тенью Жанна, и тут же что-то прошептала на ухо своей рослой подруге.

– Так вот ты кто, – немедленно среагировала та, с ее лица сползла улыбка, а крепкие кулаки уперлись в бока. – Ведьмак, значит, к нам пожаловал! Верно? Ну-ка давай, скажи своей мертвячке, чтобы та убиралась с нашей земли, а после с ней вместе проваливай отсюда, покуда цел! И вот эту с собой забирай! Нам тут таких, как она, не надо.

Чем же это вам подружки ведьмаков-то не угодили, а? Чем насолили?

– Врали, выходят, слухи, – поцокав языком, печально произнес я. – Мне рассказывали, что ворожей есть само радушие, любому гостю рады, так как нет для них ни эллина, ни иудея. Мол, они всякого странника встретят и приветят, что родного. А оно вон как на деле выходит? Дорогу заступили, смотрите недобро, девушку, к вам с просьбой пришедшую, под зад пинком вышибаете, даже выслушать ее не желаете. Нет, врали мне уважаемые люди и нелюди, говоря о вас. Точно врали. А я ведь поверил.

– Мы не вместе! – смекнув, что это ее на пару со мной гонят, пискнула Полина и буквально отпрыгнула от меня в сторону. – Просто на одной машине приехали, и все. Мы попутчики! Саша, скажи им.

– Чистая правда, – подтвердил я. – Мы только сегодня познакомились.

– Мертвячку отзови, ведьмак, – повторила та ворожея, что стояла позади остальных. – Немедля.

– Это можно, – согласился я. – Я не то что некоторые, всегда открыт для общения и просьб, да и конфликт на ровном месте мне не нужен. Жанна, вернись обратно, будь добра. Нам тут не рады.

Кто-то скептически настроенный мог бы сейчас сказать, что я быкую, снова нарываясь на неприятности, но на деле все совсем не так. Просто этим внешне милым дамам сразу надо показывать зубы, иначе они мигом тебе на шею сядут. Я это еще по общению с Вереей понял, и потому сейчас был очень доволен тем, как сложился первый контакт с обитательницами экодеревни. Внутри ведь так и так попаду, куда они денутся. Зато теперь каждая из них знает – кусаться я умею.

Одно плохо – вон та юная особа, похоже, не только чует неуспокоенных, но еще их и видит, что ограничивает возможности моей помощницы в части подслушивания и подглядывания.

– Не очень-то и хотелось, – фыркнула Жанна. – Уже иду.

– Тебе не врали, мы рады гостям, – сообщила мне старшая из ворожей, подходя ко мне, причем товарки почтительно расступились в стороны, освобождая ей дорогу, – но в установленные графиком посещения сроки, или тем, кого мы сами к себе позвали.

– Ровно мой случай. – Я запустил руку в напоясную сумочку и достал из нее небольшую капсулу, в которой находилась прядь седых волос, перетянутая черной траурной ниточкой. – Меня сюда приглашали, причем не оговаривая день, который я выберу для визита. И еще хорошую скидку в гостинице обещали, если надумаю задержаться. Выходит, врали?

– Так вот оно что. – Ворожея чуть наклонилась, разглядывая то, что находилось у меня в руках. – Стало быть, ты Ходящий близ Смерти?

– А то вы этого еще не поняли! – рассмеялся я. – Но, если надо соблюсти процедуру – да, я Александр Смолин, ведьмак, моя судьба быть Ходящим близ Смерти. Приглашен сюда Вереей, одной из вас, и хотел бы по возможности быстро ее повидать. Мы кое о чем договаривались, свою часть работы выполнил, теперь желаю получить расчет. Договор есть договор.

– Добронег, проводи нашего гостя к Верее, – велела ворожея немедленно девчужке, которая то ли углядела, то ли все же учуяла моих слуг. – Она его давно ожидает.

– Ну, прямо уж давно? – усомнился я. – Мы с ней виделись пусть не на днях, но и не год назад. Времени прошло всего ничего.

– То дело, что тебе было поручено, из таких, которые чем быстрее свершатся, тем лучше, – пояснила старшая. – Поверь, ведьмак, знаю, о чем говорю.

– Верю, – я сделал шаг вперед, – вот только есть...

– Подручные твои пусть здесь останутся, – ладонь ворожеи уперлась мне в грудь, не давая сделать следующий шаг, – и тут ждут до той поры, пока ты наш дом не покинешь. Это обязательное условие. Если нет – сам оставайся здесь, я скажу Верее, чтобы она подошла. Нет мертвым хода в наши владения!

– Справедливо, – поразмыслив пару секунд, кивнул я. – Ваш дом – ваши законы.

Тут кобениться смысла не имело, потому что они в самом деле были в своем праве. И по Покону, и даже по людским понятиям.

– Ждите меня здесь, – повернулся я к Толику и Жанне. – Внутри деревни не суйтесь. Ну а если я вдруг куда-то пропаду и в течение суток вы меня ни разу не увидите, то можете считать, что мой приказ отменен.

– Саш, как-то это неправильно, – нахмурилась Жанна. – И еще мне стало тревожно.

– Ничего со мной не случится, – успокоил я ее. – А если я неправ, то вы просто убьете всех, кто живет в этой деревне, вот и все. Всех до единого, кроме малых детей. И тех, кто работает в магазине, стоящем около остановки, тоже. А начнете с вон той, понятно? Ничего личного, мне она вообще понравилась. Просто эта малая глазастее остальных.

Молоденькая ворожея дернулась, будто ее током пробило, остальные же, выслушав мои слова, о чем-то тихонько стали друг с другом переговариваться.

– Сюда бы Павлика, – проворчал Толян. – Убивать – его делянка. Опять же – бабы ведь. Неправильно как-то.

– Убивать несложно, – отмахнулась от него Жанна. – Мне в принципе весь сложившийся расклад не нравится.

– Что вы зашушукались? – обратился я к ворожеям, поправляя лямку рюкзака. – Обычная мера предосторожности, не более. Вы же меня травить или в жертву кому-то приносить не собираетесь? Значит, и мои спутники ничего с вами делать не станут. Малая, веди меня к Верее.

– Саша, а ты вообще кто? – пролепетала Полина, глаза которой расширились до тех пределов, которые им матушка-природа изначально не отводила. – Если не секрет?

– Ведьмак, – повернулся к ней я. – Это почти то же самое, что ведьма, только я добрый, летать не умею и мужчина. Непонятно? Ну и не забивай себе голову.

– Не стану. Только как же я-то?

– Уважаемая... – я снова обратился к старшей из ворожей. – Простите, как вас по имени-отчеству?

– Гроздана, – представилась старшая из ворожей, стоявших перед нами. – Можно без отчества, они у нас не в чести.

– Гроздана, может, вы все же изыщите возможность пойти навстречу этой милой девушке? Насчет того, отыскала ли она себя в себе, ничего сказать не могу, но если человек отчего-то верит в то, что общение с вами для нее крайне важно, то как ему отказать?

– Ну что же, будь по-твоему, ведьмак, – кивнула старшая. – Просьба гостя, да еще такого, как ты, для нас весома, как отказать? Пойдем со мной, девица, получишь ты то, за чем сюда приехала.

Мне показалось или в голосе Грозданы появилось злорадство? Может, зря я протекцию этой дурочке с фенечками и огромными очками оказал? Может, лучше было ее назад отправить?

И ведь даже Толика теперь к ней не приставишь для пригляда, нет ему хода в эту деревню. С другой стороны, что она хотела, то и получила. А дальше не мое дело.

– Добронегга, сказано же – веди гостя в дом Вереи, – велела молоденькой ворожее ее крепко сбитая подруга, та, что первой завела с нами разговор, а после добавила: – Добро пожаловать в исконные земли берегини Ладимиры, ведьмак. Давно таких, как ты, здесь не бывало. Ни одна из нас такого не помнит, да и матери наши, думаю, тоже.

О чем и речь. Показал зубы, и отношение стало более-менее приемлемое. Да, видно, что мне здесь не очень рады, но при этом определенная уважительность в общении ощущается. А начни я сопли на кулак мотать, не требовать положенного, а выпрашивать его – и все, пиши пропало.

Но вообще мне тут не сильно нравится, то еще местечко, похоже. В последний раз нечто подобное я испытывал в римских катакомбах, и не зря, поскольку ничего хорошего со мной там не случилось, одни пакости. Потому надо быстренько все дела закончить, да и рвать отсюда когти, пока до беды не дошло.

Мы шли между домов, причем все они, при внешней вроде бы схожести, друг от друга, оказывается, отличались. Какие-то – особенно искусно сделанными наличниками, какие-то – резным крылечком, которое так и манило на себя сесть и начать семечки лузгать, а какие-то – цветами, под окнами растущими. Причем последние вызвали мой особый интерес, потому как я среди этой красоты заметил несколько растений, которые очень хотел бы пополучить в свою личную коллекцию, разумеется, в засушенном или истолченном виде.

– Кто же это у вас такой умелый садовник? – спросил я у Добронегги, семенившей впереди. – Благодать какая, глаз не отвести!

– Это Апраксии дом, – отозвалась девушка. – Она в цветоводстве первая из нас мастерица.

Апраксия, значит. Сиречь «практичная», если я ничего не путаю. Практичная – это хорошо, с такой, может, и договориться о чем получится. Очень уже мне хочется пополучить пяток соцветий и хотя бы одну луковицу, например, вот той горной лилии, которая вообще непонятно как сюда попала и с какого перепуга расцвела в начале июня, даром что ее время начинается в конце этого месяца. Причем это очень правильная горная лилия, вон у нее лепестки посередине словно разлинованы тремя-четырьмя коричневыми полосками, что нечасто встречается в наших широтах.

А еще я успел приметить черную вербену. Не розовую, не белую, не фиолетовую, а черную, что твой антрацит. Очень редкая штука. Вербена ведь чем славится? Это основа почти любого приворотного зелья, и именно колор цветка определяет, насколько оно окажется действенным. Если речь идет о том, чтобы кого-то банально в постель уложить, то в ход идет белый цвет вербены. Он легкий, его действие кончается быстро, так что зелья хватает как раз на то, чтобы парочке вволю пошпилиться, а после разбежаться. Желтый, розовый, голубой – это уже серьезнее, это уровень «просто такая сильная любовь», и его используют для того, чтобы довести человека до загса. Фиолетовый или бордовый в дело идет крайне редко, это категория «любовь до гроба», причем иногда выходит так, что как раз без жертв и не обходится. У реципиента просто реально крышу сносит после употребления зелья, он за любой косой взгляд на предмет обожания случайного человека запросто убить может. Да и не только его. Мне Жозефина рассказывала о том, как ее клиент, который таким зельем попользовался,

на тот свет отправился. Очень этот парень хотел добиться любви одной девушки, причем такой, чтобы та ни на шаг от него не отходила и только ему принадлежала. Моя французская подруга принципиальностью сроду не страдала, потому за изрядную сумму сотворила искомое зелье на основе темно-бордовой вербены, заранее предупредив, что все риски за любые последствия, которые могут возникнуть, заказчик берет на себя и ответит за них непосредственно своим личным посмертием. И как в воду глядела – через месяц юношу похоронили, причем в закрытом гробу. Примученная зельем девушка на ровном месте приревновала бедолагу к кухне, потеряла над собой контроль и обоих убила, причем юношу искромсала ножом так, что ни один гриммировщик за работу не взялся.

А вот черная вербена, в отличие от своей цветочной родни, работает с точностью до наоборот. С ее помощью внушенную зельем любовь из сердца выдирают. Причем жестко, с кровью, если можно так сказать. Да и не внушенную тоже выкорчевать можно, если чуть изменить рецепт. Только это крайне радикальное средство, десять раз надо подумать, прежде чем им пользоваться, ведь случается и такое, что после него человек становится как тот Кай из «Снежной королевы». Не остается у него чувств на кого-то, кроме себя самого.

Хотя, может, в наше время так жить даже удобнее. Но я точно не знаю. Не пробовал.

И все же заполучить с десятков цветочков черной вербены очень хотелось бы! Такая редкая вещь в хозяйстве точно пригодится. Может, в работу она и не пойдет, но все же пусть будет.

– Вот и пришли, – сообщила мне Добронегга, подходя к крыльцу очень ладного домика, который словно с пасхальной дореволюционной открытки сошел. – Вам сюда.

– Спасибо тебе, красавица, – поблагодарил я ее. – Пойду пообщаюсь с Вереей. Может, быстро управлюсь и еще сегодня обратно в Москву уеду.

– Может, – не стала спорить девушка. – А можно вопрос?

– Валяй, – разрешил я. – Почему нет?

– А сильно страшно быть таким, как вы?

– В смысле – общаться с мертвыми?

Девушка кивнула.

– Не-а, – мотнул головой я. – С ними даже лучше, чем с живыми. Они проще и честнее. Им, видишь ли, почти ничего от меня не нужно. Им ни к чему деньги, карьера, дом, одежда, им не надо шустрить и хитрить, чтобы жить лучше остальных, потому что они уже не живут. Нет, поначалу они еще мыслят старыми категориями, но это быстро проходит, сразу после осознания и приятия простого факта – для мира их больше нет. Все, что они сумели под себя нагрести раньше, и материальное, и духовное, осталось там, с той стороны. А тут только небытие и скука, единственное лекарство от которой я. Нет, встречаются исключения, которые разное из своего прошлого в новую нежизнь тащат, но они лишь подтверждают общее правило.

– А мне страшно, – призналась Добронегга, опустив глаза. – Я их не вижу, но очень хорошо чувю. Холод от них идет такой, что косточки стынют, и еще они словно душу из меня тянут. Такая жуть! Я пару раз даже в обморок падала в детстве.

– Ишь ты, – проникся я. – Надо же!

Не видишь, значит. Это замечательно, одной проблемой меньше.

– Я потому в город и не езжу, как остальные, – поделилась со мной еще одной деталью своей биографии Добронегга. – У нас тут неживых почти нету, а там хватает.

– И правильно делаешь, – одобрил я ее слова. – Чего там, в городе, делать? Шум, гам да вонь. А у вас вон какая благодать!

Скрипнула, открываясь, дверь, и на крыльцо дома вышла девушка, симпатичная и русоволосая, как, собственно, большинство местных обитательниц. Видать, знают местные старшие какой-то секрет, не просто же так у них что ни девица, так хоть сейчас вокруг нее модельную карьеру строй. Эта, правда, как по мне, была слишком бледна и очень уж худа. Хотя все относительно, дело вкуса.

– Здравствуй, Ильмерушка! – поклонилась ей моя сопровождающая. – А я вот гостя к вам привела. Верея его лично пригласила в ваш дом, когда останний раз до Москвы ездила.

Стало быть, это сестра покойного Истома, та, которую он чуть не прибил до смерти. И, если не ошибаюсь, она немая.

Верно, девушка слова не промолвила, выслушав Добронегу, только улыбнулась мне, покачала головой да развела руки в стороны.

– Вереи дома нет? – сопровождающая оказалась смысленнее меня. – Ушла куда?

Сестра Истома махнула рукой, указывая за наши спины, а после перекинула со спины на грудь толстенную длинную косу и начала теревить ее кончик.

– К Яромиле, поди? – уточнила Добронега. – Так? Ясно. Ну, вы тогда вон на скамеечку садитесь, а как Верея придет, так и... Что, Ильмера?

Девушка на крыльце сначала показала на меня, потом на дверь, ведущую в дом.

– Ой ли? – засомневалась Добронега. – Может, без Вереи не стоит мужчину в гости приглашать? Не срам, конечно, да не тайком он пришел, но вот моя маменька не одобрила бы. К тому же он из ведьмаков.

Ильмера махнула ладошкой, как бы давая понять «да пофиг».

– Дело твое, – мигом согласилась провожатая. – Ладно, я тогда побежала. Мне еще надо щавеля надергать в пойме, мамка щей хочет наварить вечером.

Она поклонилась нам, и ее тут же след простыл. Кстати, только сейчас заметил, что она, оказывается, босой бегаёт.

Ильмера посмотрела ей вслед и повторила приглашающий жест, при этом еще и дверь растворив нараспашку.

– Благодарствую. – Я приложил ладонь к груди и чуть склонился, после поднялся на крыльцо и стал развязывать кроссовки. – Да, меня Саша зовут.

Ну, может, внешне ворожеи и живут так, как их предки, но, судя по тому, что я увидел внутри дома, от благ цивилизации они не отказываются. Имелся в просторной горнице и холодильник, причем не абы какой, а двухдверчатый, и недорогой телевизор на стене висел, и роутер на подоконнике стоял, и даже электронные весы рядом с русской печью притулились. Плита, кстати, здесь тоже была, как видно для того, чтобы ради каждой мелочи упомянутую печь не раскоцегаривать. Впрочем, не удивлюсь, что она тут вообще исключительно для антуража, а для обогрева с той стороны дома пристроена небольшая бойлерная с электродомом.

А еще меня очень впечатлила их мебель – деревянная, добротная, крепкая, сделанная на века. Таким табуретом, что стоял у стола и на который я уселся, наверное, убить можно, если им по башке врезать.

Ильмера ясно и очень по-доброму мне улыбнулась, включила электрочайник, который мигом зашумел, открыла холодильник, достала из него круглое сито, в котором отчего-то лежали белоснежные яйца, показала их мне, а следом за тем похлопала ладонью по гладкой черной варочной панели.

– А, понял, – кивнул я. – Нет-нет, не беспокойся, ничего готовить не надо. В дороге поел. Чайку нальешь – и ладно.

Девушка убрала яйца обратно в холодильник, зато достала из него масло и мед, которые мигом оказались на столе. За ними последовали хлеб, розетки с вареньем пяти видов, сахарница и маковые баранки.

– Ильмера, – окликнул я эту хозяйшку, которая в данный момент пластала сыр тончайшими ломтиками. – Подожди.

Та повернулась ко мне, не выпуская нож из руки.

– Прежде чем я хоть что-то съем в этом доме, мне надо тебе кое-что сказать...

Ильмера положила нож на разделочную доску, невесело улыбнулась и показала пальцем на стену, вернее на одну из фотографий, висевшую там в рамке. Куцую, от которой явно отрезали треть. И я догадываюсь, кто был изображен на недостающем куске.

Значит, она знает, кто пришел к ней в гости. Да и следующий ее жест, когда она, сжав кулаки, ударила одним запястьем о другое, был более чем красноречив.

– Да, я тот, кто убил Истому. Твоя мама мне рассказала о том, что вы с ним расстались не сильно красиво, но все же родная кровь дело такое... Непростое. Опять же, старший брат, шутка ли? Так что, если ты мне сейчас укажешь на выход, я не обижусь и все пойму.

Щека Ильмеры чуть дернулась, следом за тем она дорезала сыр, присоседила его к остальной снеди, после поставила передо мной пузатую чашку на блюде, налила в нее заварки, а после кипятку, уселась с другой стороны стола и, подперев рукой подбородок, уставилась на меня.

– Понял, – кивнул я. – Еще раз спасибо. Не за понимание, это все так, мишура. За чай и все остальное.

Гипотетически, конечно, можно было бы предположить, что она таким образом убаюкивает мое внимание, а сама хочет сквитаться за братца, сыпанув яда в мед. Или снотворного, чтобы после вволю меня помучить и потерзать.

Но отчего-то я был уверен, что это не так. Сдается мне, не было между ней и Истомой ни любви, ни доверия, ни духовной связи брата и сестры, которая частенько встречается. Или, может, она его так и не простила за ту ночь, когда он, плюнув на все, бежал из деревни.

В любом случае чай был ароматным и крепким, с травками, хлеб – ароматным и ноздреватым, а масло и мед – невероятно вкусными. После четвертого бутерброда я еле заставил себя не тянуться за пятым куском хлеба. Причем Ильмера это поняла и жестом дала мне понять: «Да не стесняйся, ешь».

– Хорошенького понемножку, – сказал я. – И потом – мед надо в меру употреблять, меня от него после в сон клонит.

Ильмера лукаво улыбнулась и показала на розетки с вареньем.

– Да как бы одно место не слиплось, – улыбнулся я, – от сладенького-то.

За моей спиной хлопнула дверь, раздалась легкие шаги, а следом за тем на мое плечо опустилась рука.

– А мне ведь уже доложили, что в моем доме гость неожиданный, но ожидаемый, – раздался голос Вереи. – С шумом прибыл, ведьмак, пара моих подружек до сих пор недовольно бурчит о том, что тебя вообще пускать к нам не следовало.

Ильмера заинтересованно глянула на мать.

– Так он, дочка, с собой мертвяков притащил, – расхохоталась ворожея. – А после велел им всех тут перебить, если вдруг те его завтра не увидят.

Девушка удивленно посмотрела на меня, а следом за тем покачала головой, что я расценил как слова «да ну, не верю».

Мне отчего-то в этот миг стало неловко.

– Велел-велел. – Верея села за стол. – Но я его в том не виню. Он в городе живет, а там другие правила. Там или ты всех под пень загоняешь, или сам под ним сидишь, по-другому не случается. Никто никому там не верит, Ильмера, вот и привык наш гость во всем подвох искать.

– Не совсем так. Вашей дочери верю, нет в ней зла. – Я демонстративно отхлебнул чаю. – Вот, сажу за столом, ем, пью.

– Так на здоровье, – улыбнулась Верея. – Если угощение гостю по нраву, то хозяйке всегда в радость.

Ох, какое напряжение чувствовалось в ее голосе. Она, конечно, поняла, с чего я тут появился, и мне показалось правильным не оттягивать тот момент, который неизбежен. Потому я вновь достал из напоясной сумки капсулу с прядью волос ее сына и поставил на стол.

– Я знала, что ты сдержал свое слово. – Верея взяла ее в руки. – Почувствовала. Он умер легко? Быстро?

– Нет, – односложно ответил я.

– Ты так с ним поступил специально?

– Нет, – повторил я и добавил: – Так сложились обстоятельства.

– Ты это сделал сам? Своими руками?

– Снова нет. Вашим сыном занимался мой слуга, потому ему и пришлось помучиться. Этот призрак и при жизни был не самым добрым человеком, а сейчас совсем умом поехал. Короче, выбор прост – или так, или никак. У нас с вами договор, я обязан его выполнить, причем максимально быстро, потому использовал материал, который имелся в наличии.

Ильмера внезапно сдвинула брови и резко рубанула воздух рукой, в этом жесте хорошо ощущалось то, что ей мои слова понравились.

– Резонно. – Верея встала, погладила дочь по плечу, затем подошла к резному комоду, стоящему в углу, открыла один из ящиков и достала из него флакон со знакомой мне уже красной жидкостью. – Ты свою часть сделки выполнил, прими от меня обещанную награду. Здесь девять лет жизни того человека, перед которым у тебя есть обязательства. Держи.

– Не хочу вас обидеть, только тут зелья ненамного больше, чем в прошлый раз, – сказал я, принимая у нее флакон. – Количественно, имеется в виду.

– Саша, мне прекрасно известно, что ты сам неплохой практик в этой области, – укоризненно произнесла Верея. – Если ты хочешь получить от меня клятву в том, что я дала тебе именно то, что обещала, достаточно просто об этом попросить.

Елки-палки, теперь я еще и покраснел. Нет, точно на этой экоферме что-то не то творится.

– Клянусь именем матери нашей, берегини Ладимиры, что это зелье именно то, что было обещано, и что человек, который его выпьет, увеличит срок своей жизни на девять лет.

– Полноценных? – уточнил я. – Без ограничений? А то там такой товарищ, которому года не беда. Он себя не жалеет, живет на полную катушку.

– Полноценных, – подтвердила ворожея. – Даю в том свое слово. Если только он сам по дури шею не свернет, но то уже не моя вина и не моя забота. Сделка закрыта?

– Эта закрыта, – согласился я. – Но был у нас еще один договор, теперь к нему бы перейти.

– А и перейдем, – даже не подумала спорить со мной Верея, усевшись за стол. – Только прежде... Ильмера, дочка, сходи к тетке Акифье. Она вчера гуся жарила с яблоками, попроси у нее половину от него для нашего гостя. Не спорь, Саша, не надо. Никто не сможет сказать, что я плохо приняла в своем доме дорогого гостя. И без того меня стыд ест за то, что угощение для тебя у родни просить приходится.

Девушка вышла из дома, неслышно притворив дверь, Верея подошла к окну, как видно для того, чтобы убедиться в том, что дочь пошла выполнять ее поручение, а после, не поворачиваясь ко мне, произнесла:

– А теперь слушай, ведьмак, что я от тебя хочу получить в обмен на свою помощь.

Глава 3

– Надеюсь, не душу? – насторожился я. А что, похоже, от этих дам чего угодно можно ожидать. – Если речь про нее, то мой ответ сразу «нет».

– А у ведьмаков есть душа? – удивилась, уж не знаю, всерьез или наигранно, Верeya. – Вы разве ее на силу не меняете?

– Мне про это ничего не известно, – теперь немного растерялся и я.

А что, если да? С другой стороны – вряд ли. Такие штуки делаются только по обоюдному согласию, мне же Захар Петрович в то приснопамятное утро на Гоголевском ничего подобного не предлагал, а я, соответственно, ни на что не подписывался. Этот старый хрыч просто поставил меня перед фактом, да и то уже позже, когда в виде призрака появился ко мне домой ночью.

– Ну, значит, это не так, – миролюбиво предположила Верeya. – Да это не столь важно.

– Кому как, – возразил я. – Мне вот моя душа дорога. Кто его знает, как оно там будет? И уж лучше я с ней окажусь, чем без нее.

– Меньше думай на подобные темы – посоветовала мне ворожея – Истину ты все равно узнать не сможешь до той поры, пока сам не окажешься в тех краях, о которых сказал, а гадать, что да как, дело бесплодное. И вообще – тебе нужно зелье из мандрагыра, о котором ты меня просил?

– Нужно, – кивнул я.

– Вот и ладно. Да, ты корень привез? А то, может, и говорить не о чем.

Я молча достал из рюкзака, который прислонил к ножке стола, холщовую тряпицу, в которой лежал мандрагыр, положил ее на стол и развязал узелок.

– Ох ты! – выдохнула Верeya, которая, само собой, сразу же поняла, какую ценность видит. Матерая тетка, опытная, такой одного взгляда хватит, чтобы понять, что да как. – Опять ты меня удивил, ведьмак. Не расскажешь, где такое сокровище раздобыл?

– Нет. Это мои дела, при мне они и останутся.

– Твое право. – Пальцы ворожеи невесомо погладили коричневую поверхность корня. – Старый. Мощный. Еще есть?

– Все, что останется от этого куска после выполнения работы, то твое, – сообщил ей я. – Будем считать это оплатой за помощь.

– Ну, что там останется... – протянула женщина.

– Мне известен приблизительный расход корня для таких зелий, – усмехнулся я. – Треть минимум в котел не пойдет, то есть останется в вашей общине. Ну или лично у тебя. Но это меня не касается, сами разбирайтесь.

– Ладно, пусть будет так. Но обещай мне, что если ты надумаешь выставить на торги какое-то количество этой красоты, то я узнаю данную новость первой, – потребовала Верeya.

– Идет, – согласился я. – Только сразу скажу – вряд ли. Мне проще набрать частных заказов, чем торговать таким сокровищем. Деньги имеют свойство заканчиваться, а настолько старый корень второй раз фиг найдешь.

– Удивлена, что ты в первый-то его отыскать сумел, – призналась Верeya. – Ну а что до зелья... Есть еще одно но.

– Какое? – Я всем нутром понял, что сейчас услышу какую-то гадость. – И сразу – никаких поручений в стиле «пойди туда, убей того» или «найди то, чего на белом свете нет» мне выдавать не надо. Сразу говорю – нет. В этом случае я просто забираю корень и сваливаю отсюда. В конце концов, вы не единственные хранительницы знаний и рецептов из далекого прошлого. Россия велика, найду того, кто мне поможет.

– Найдешь, – не стала со мной спорить Верeya. – Вот только время. С ним как? Оно ждать не станет.

– Значит – не судьба. – Я зачерпнул ложечку ежевичного варенья и отправил ее в рот. – Вкусно!

– Ты же ведьмак! – пристыдила меня ворожея – Как там у вас говорится? Не отступать и не сдаваться!

– Никогда ничего подобного не слышал ни от одного из собратьев, – хмыкнул я. – Может, в старые времена что-то такое декларировалось, конечно, но в наши дни подобный лозунг звучит как минимум странно. Ладно, заболтались мы. Что вам еще от меня нужно?

Губы Вереи изогнулись в полуулыбке, она побарабанила пальцами по столу, как видно, испытывая мое терпение.

Или надеясь на мою догадливость?

Стоп!

– Да нет, – я глянул на дверь, за которой недавно скрылась ее дочь, – вы чего? Ей же, по ходу, даже восемнадцати нет. Да если и есть, все равно на фиг надо. Я вам не...

– Ведьмак, ты себя особо не переоценивай, а! – хлопнула ладонью по столу Верея, с лица которой внезапно сползла улыбка. – Ты чего возомнил? Что ты самый умный, всем необходимый, что все только и думают, как бы тобой попользоваться? Вовсе нет. Как в голову-то только пришло, что я под тебя, обалдуя, свою дочь подложу! Тем более что смысла в этом вообще никакого нет.

– Ну, почему вам знать – есть смысл, нет его? – насупился и я. – Мы настолько близко не знакомы.

– И не будем, – заверила меня Верея. – А вообще, я о другом. Ты тут можешь с каждой из нас переспать, только толку не будет. Удовольствие – возможно, но не результат. Не родятся дети у ведьмаков и ворожей никогда. И ведьма от тебя понести не сможет, и мавка, и арысь. Обычная баба – да. С каким-то процентом вероятности, разумеется, но все же сможет. А мы – нет. Природа силы у нас разная, нельзя ей в единое целое сливаться, беда может выйти, потому Род нас и разъединил таким образом на веки вечные. Так что попытеть в кровати – это запросто, но и только. И сразу предупрежу – не с моей дочерью! Прокляну так, что никто помочь не сможет.

– Сказал же – сам не стремлюсь, – фыркнул я. – А чего тогда от меня надо-то?

– Это пусть тебе лучше наша старшая расскажет, – неожиданно встала из-за стола Верея. – А я пас. Очень уж ты странные выводы делаешь на ровном месте, себе дороже с тобой общаться. Пошли, я тебя к ней отведу.

Ну, положим, про то, что с ведьмами у меня детей не может быть, я и без нее знал, это не новость, было кому просветить меня на этот счет. Вот только одна неувязка в ее словах есть. Как Род мог распорядиться эдаким образом насчет ведьмаков с остальными представительницами слабого пола, обитавшими в Ночи, если мы не являемся его творением? Когда дружинники Вещего князя стали теми, кем стали, Род давно удалился от дел, да и время тех, кого он поставил надзирать за своими исконными землями, было на исходе. Не вышло полностью, конечно, но и той власти, что была ранее, у них уже не было. Зажимали исконных славянских богов в клещи носители новой веры, стремительно накатываясь на старую Русь с Запада. Да что там – даже с Севера, где свирепые, казалось, боги неожиданно быстро и почти без боя ушли за окоем небес.

Вот скажи она, что это Олег так с нами управился, что не хотел он мешать ярую кровь своих воинов с другой, той, которая текла в венах, например служительниц берегинь, – поверю сразу. Но Род?

Темнит Верея. Впрочем, может, и нет, может, я опять развиваю шпионскую теорию на ровном месте и забиваю себе голову всякой ерундой. Ей старшие о том рассказали, когда она еще малой была, она в услышанное поверила и считает, что это единственно верная информация. И все.

Но что она сейчас со мной играет, сомнений не вызывает. Вернее – она меня триггерит, причем очень и очень незамысловато, без особых ухищрений, настолько, что даже обидно становится. То вон дочку за порог гонит, то собирается к старшей своей меня вести.

Хотя простые пути, как правило, самые надежные. Это у меня за спиной банк с его подкованными играми и малахольными клиентами, который приучил в любой внештатной ситуации не орать: «Все пропало, нас посадят», а спокойно выяснять, кто именно в той или иной ситуации станет крайним. Если я – тогда да, можно начинать волноваться. А если подписантом на документе значится кто-то другой – то чего нервничать-то?

Вот и тут то же самое. Например, Олег, с его неуравновешенным характером и нестабильной психикой, уже начал бы закипать от штучек Вереи, давая ей все новые и новые козыри в руки. Но то он, а то я.

– Не вопрос, пошли к старшей, – поднялся я с табурета, а после, на секунду опередив хваткую руку ворожеи, подхватил со стола тряпицу с мандрагьром и добавил: – Пусть у меня побудет. Все равно не тебе же зелье варить, верно?

Еще одна прогулка по поселению ворожей окончательно убедила меня в том, что я прав. За то время, пока мы неторопливо топали от дома Вереи к зданию, классифицированному мной как управа, мне два раза состроили глазки молоденькие и очень симпатичные девчонки из местных, после плюнула под ноги и прошипела что-то в спину немолодая, седая как лунь тетка, а под конец я увидел, как мою недавнюю знакомицу Полину четверо ворожей ведут куда-то за околицу, в сторону березовой рощи, причем та, похоже, последнего разума лишилась, более всего напоминая сомнамбулу. Или она просто очумела от счастья, что наконец-то ей открылись новые горизонты сознания?

Вот только все это было как-то мелко и небрежно сделано, без особой шлифовки. Хотя... Может, они тыкают в мою душу, как иголкой: а ну как в болевую точку случайно попадут? Вот только всякий раз мимо. Судьба малахольной Полли меня, признаться, совершенно не волновала, усилия девчонок я проигнорировал, мне так и так не до них, что же до недолюбливающей ведьмаков гражданки, так я тут же очень громко рассказал Верее о том, как пару лет назад трудами одной ведьмы у меня на носу прыщ вскочил, а после у той дом возьми да и сгори. Быстро и дотла, вместе с сараем и забором. А когда Верея начала укоризненно цокать языком, то объяснил ей, что мы, ведьмаки, далеки от толстовства и вторую щеку никогда никому не подставляем, за что нас Судьба и ценит. Настолько, что разным злобным старушкам отсыпает неприятностей по самые не хочу сразу после того, как они нам какую-то пакость сделают.

Хотя, может, про дом я и зря загнул. Вдруг эта бабка сегодня возьмет, забудет утюг выключить, да и сгорит в ночи? Доказывай после, что ты здесь ни при чем. Надо было что-то менее реакционное рассказать, например поведать о хреновом посмертии, которое я особо неприятным гражданам за милую душу могу обеспечить. Тут ведь все уже знают, кто я такой, правильно? А теперь поди проверь, вру я или нет. Может, да. А если все же нет?

А самое главное, ворожеи теперь, возможно, станут думать, что одна из их иголочек достигла цели и что я, похоже, злобный и мстительный тип. Коли так и выйдет, то очень хорошо, я только рад, если они станут думать обо мне плохо. Приблизительно так же, как я о них.

Признаюсь честно, представлял себе их главной эдакой пожилой царицей, величественной, властной, под два метра ростом и с прожигающим насквозь взором. И ошибся. Вот все-таки как неправильно идти на поводу у стереотипов. Старшая мать экообщины оказалась сухенькой, но шустрой старушкой ростом мне по плечо. По ходу, она среди местных красавиц-лебедушек одна такая невысокая и есть. Хотя... Может, усохла с годами? Был когда-то персик, стала вот сухофрукт.

Впрочем, возраст, возможно, к земле ее и пригнул, но все остальное отобрать не смог, а именно ум и властность. С ними-то я не прокололся, правильно угадал. Хотя особо гордиться

собой тут не стоит, и так понятно, что подобная особа другой быть просто не может. По определению.

– Здравствуй, – поприветствовала она меня, не выпуская из рук лейки. Когда мы вошли в небольшой кабинет, находящийся в самом конце коридора, ворожея поливала цветы в горшках, которыми был заставлен весь подоконник. – Я Яромила, старшая мать нашей небольшой общины. Знаю, что мое имя тебе известно, но правила вежества забывать не стоит. Согласен?

– Полностью, – подтвердил я. – Потому тоже представляюсь – Александр Смолин, ведьмак. Рад знакомству.

– Не думаю, что очень сильно. – Ворожея вылила остатки воды в горшок с алоэ и повернулась к нам. – Верно же?

– Да нет, – передернул плечами я. – У вас тут, конечно, немного необычно, но мне доводилось бывать в местах куда более странных. Тут ведь главное что?

– Что? – мигом уточнила Яромила.

– Не лезть в чужой монастырь со своим уставом, – охотно ответил я. – Не забывать, что ты гость, а не авторитетная комиссия или истина в последней инстанции. Приехал, сделал свое дело и уматывай назад, не мешай людям жить так, как им нравится. Ну или не совсем людям. Впрочем, суть от этого не меняется.

– Если бы все жизнь понимали как ты, насколько бы она лучше стала, – похвалила меня старушка. – Ладно, будем считать, что познакомились, перейдем к делу. Я, знаешь ли, не люблю ходить вокруг да около, время берегу. Все можно вернуть – любовь, деньги, цвет волос, даже молодость. А вот его – нельзя. Если минута ускользнула, то это навсегда. Итак, какой у тебя ко мне вопрос?

– Почему ключи «ладные»? – тут же воспользовался ее предложением я. – Не «веселые» или «звонкие»?

– Мы все потомки берегини, которую звали Ладимира. Некогда именно она указала нашим пяти праматерям на то место, где им следует остаться жить, – охотно объяснила мне ворожея. – Что до ключей – так тогда на вершине холма били сразу три ключа, причем вода их помогала от многих хворей, даже с иными из Лихоманок могла силой поспорить. С тех пор и холм стал куда ниже, подстесали мы его, и ключи, увы, пересохли, но в память нашей покровительницы мы выбрали именно такое название.

Мог бы и сам догадаться, кстати. Мне же Веряя имя их покровительницы называла.

– Что-то еще? – уточнила Яромила. – Ты спрашивай, не стесняйся. Или проси. Веряя мне как дочь, если ты ей друг, значит, и мне тоже.

– Так вы просьбу мою знаете. Человека хорошего спасти хочу, нужно зелье, которое смертельную хворь из него изгонит. Расходники в виде мандрагыра я привез, осталось только понять, поможете вы мне или нет.

Я достал все ту же тряпицу, извлек из нее корень и протянул старушке. Та его у меня взяла, поднесла к носу, обнюхала, словно Мухтар какой-то, а после спросила:

– Это чью же ты кубышку распечатал, ведьмак?

– Почему сразу кубышку? – уточнил я. – Может...

– Не может, – не дала мне договорить Яромила. – Поверь, находишь такое чудо чудное в свободном обороте, уж я бы про это знала. Так что ты до какого-то давнего схрона добрался, только не знаю, чьего именно. Но, думаю, что либо ты как-то с Акинфием с Брянщины договорился, либо наследничков Вернигора потрянул. Остальные тебе не по зубам покуда. Да и после вряд ли ты до их добра дотянешься, поскольку жидковат. Та же Дара, шлендра старая, тебя сожрет и косточки выплюнет.

– Вы про ту Дару, которая в Подмосковье обитает? – поинтересовался я. – Ведьму? Так мы с ней соседи. У нас дома рядом стоят.

– Вот как? – изумилась ворожея. – Seriously? Не знала. И она тебя до сих пор не уморила?

– Пыталась. Не вышло. А что, у нее есть вот такой корешок в заначке? Жалко, раньше про это не знал.

– И очень хорошо, что не знал, – посерьезнела Яромила. – О соседку твою такие люди и нелюди зубы обламывали – не тебе чета. Моя бабка рассказывала мне, что в давние времена Дара, тогда еще молодая ведьма, на равных сцепилась с одной из наших прапраматерей – и победила ее. Отчасти хитростью и подлостью, да, но победила. И мой род, заметь, не стал ей мстить, а предпочел взять виру, которую та предложила. Это о многом говорит. Ну а что до заначки... Представь, сколько всякого разного к ее рукам за века прилипло. Уверена, что там есть корешок постарше этого, а то и не один. А иначе отчего она до сих пор землю топчет? Молодой мандрагыр, который несколько сотен лет в запасе не имеет, с такой задачей просто не справится. Тут нужен корень мощный, очень старый, такой, чтобы не только телу рассыпаться в прах не дал, но и душу, на которой грехов столько, что у всего населения небольшого государства в Европе не будет, при нем удержал. Понял?

– Понял, – кивнул я.

Теперь ясно, чего Дара мне с такой легкостью тот огрызок молодого мандрагыра отдала, у нее небось таких дома целый ящик. Впрочем, я не в претензии, нормальная оплата за несложную работу.

– Ну а что до твоей просьбы, – Яромила глянула на меня, – мы можем помочь. Я знаю рецепт того зелья, что тебе нужно, все остальные ингредиенты у меня есть, да и новолуния недолго ждать осталось.

– Новолуния? – переспросил я.

– Ну да, – подтвердила ворожея. – Зелья из мандрагыра лучше всего варить именно в новолуние, такая у них отличительная особенность. Да-да, обычно привязка идет к полнолунию, большинство трав и корней идеально собирать и обрабатывать именно в этой фазе Луны, но вот тут – так.

– Надо же, – я почесал затылок, – не знал. Век живи – век учись.

– Мандрагыр есть вещь в себе. – Яромила снова понюхала корень, который так и не выпустила из рук. – Он силен без всяких дополнений, но если подойти с умом, то его мощь можно изрядно преумножить. Опять же – зелье, сваренное в ночь новолуния, сможет дольше сохранять свои свойства... Ты же знаешь о том, что все препараты, сделанные на основе мандрагыра, имеют срок действия? Немаленький, но все же имеют.

– Нет, – вздохнул я, ощущая, что щеки начинают пунцоветь. – Не знаю.

– Плохо, – голосом учительницы первой моей сказала ворожея. – Это основы. Например, срок хранения зелья, сделанного из непосредственно этого корня, составит около двух лет. Но, если варить его в новолуние, еще год смело можно прибавлять.

Новолуние. До него еще две недели. Ну да, полнолуние как раз вчера было. Много. Сильно много, Бэлла может столько просто не протянуть.

– Спасибо за науку. – Я приложил ладонь к груди и обозначил поклон. – Буду знать. Вот только новолуния мне ждать никак нельзя, человек, для которого я стараюсь, стоит на самой грани, счет на дни идет.

– А он тебе кто? – осведомилась у меня ворожея. – Этот человек? Любимая? Или рычаг для какого-то очередного твоего бизнес-проекта? Наслышана я о том, какие ты шуры-муры водишь с представителями крупного московского бизнеса. Даже в нашу глушь рассказы о том донесли. Кто там в его должниках ходит, Вереюшка? Ряжские, Вагнеры. Верно же?

– И еще Носов, – добавила стоящая за мной женщина. – Ловок Александр, ничего не скажешь.

Так и вы не промах. Вон какое досье на меня собрали, в каждую щелочку, похоже, залезли. Узнать бы еще, кто ваши источники.

– Просто девушка, – невозмутимо ответил я. – Мне она никто, планов никаких на нее у меня нет. Да я сам не знаю, отчего стремлюсь ей помочь. Просто хочу этого – и все. Без логических обоснований.

– И так бывает, – покивала старушка. – Почему нет? Я вот как-то лет сто назад, еще совсем сопливой девчонкой, раненого комиссара спасти хотела. Он с продотрядом в наших краях зерно у крестьян изымал в пользу новой власти. Всех его товарищей мужички из соседнего села перебили, а он сбежать смог. Сильный был! В боку пуля, голову чуть не раскроили топором, на улице мороз такой, что деревья в лесу трескаются, а он как-то до нашей общины добрался и ко мне в дом постучал.

– Спасли? – заинтересовался я.

– Спасла, – кивнула Яромила. – Правда, после, когда эта история стала старшей матери известна, меня высекли как сидорову козу. Я же против уклада пошла, нельзя нам в людские дрязги влезать. У них свое, у нас свое. Но не жалею. Хотя Антону, конечно, лучше было бы тогда умереть, в лесу.

– Почему? – удивилась Веря, которая, похоже, эту историю тоже не слышала ни разу.

– Не так обидно было бы – пояснила ей старшая мать – Его через два десятка лет свои же и расстреляли, а перед тем крепко мучили. Тут ведь не страдания тела главное, их стерпеть можно. Тут душе больно. Когда свои же тебя за то, что ты честен перед своей страной и народом, терзают, это для людей прямых и цельных нестерпимо. И Глеб Иванович, у которого Антон с двадцатых годов служил, ему помочь никак не смог. Его к тому времени уже самого к стенке поставили. А ведь до чего он умен и хитер был! Тот еще змей, я его хорошо помню.

– Какой Глеб Иванович? – тряхнул головой я, понимая, что теряю нить разговора.

– Бокий, – пояснила Яромила. – Не слышал о таком?

– Так, – уклончиво ответил я и приврал: – Читал что-то.

Фамилия знакомая, слышал ее где-то, но в какой связи – поди вспомни.

– Ну да, ну да, – усмехнулась моя собеседница. – Хотя оно, может, и верно. Дела это давние, на день сегодняшний они никак не влияют, потому страшного в таком неведении ничего нет. Ты, Саша, когда в последний раз в Нави был?

– Недавно, – не стал скрывать я. – И больше туда не рвусь.

– А если я попрошу? В обмен на зелье?

– Откажусь, – немедленно ответил я. – И это не обсуждается.

– Всё всегда обсуждается, – улыбнулась Яромила. – Нет таких тем, которые можно радикально закрыть раз и навсегда. Даже смерть иногда не повод для прекращения дискуссии, тебе ли не знать. Главное, кем обсуждается тот или иной вопрос, зачем и когда.

Как ловко эта бабуля жонглирует словами. И, правды ради, пока она ведет по очкам в нашей беседе.

– Ты говоришь «нет». – Яромила подкинула мандрагыр на ладони. – Резко, категорично, по-мужски уверенно. «Нет» – сказал, как отрезал. Но ты же даже не спросил, что мне там, в Нави, нужно. Может, просто плюнуть в реку Смородину – и все. Вот ты как в следующий раз туда к своей хозяйке наведаешься...

– Моя хозяйка живет не в Нави, – перебил ее, усмехнувшись, я. – Что-то вы путаете.

– Но ты же служишь Моране? – уточнила Яромила. – Разве не так?

– Не так, – качнул я головой, подумав как о том, что слишком часто в последнее время мне приходится объяснять собеседникам, кому именно отдана моя верность, так и о том, что эти милые на вид дамы, похоже, знают обо мне больше, чем я сам. – У меня другая хозяйка, которая куда могущественней и Мораны, и Полоза, и всего остального бестиария – что славянского, что любого другого. И почему-то мне кажется, что вам не сильно понравится, если я с ней на ваш счет стану общаться. Нет, если вы очень этого желаете, то пожалуйста, я готов

оказать вам такую услугу, но за результат не поручусь. Как и за то, что она после нашего разговора не наведается к вам в гости.

В помещении повисла тишина, и нарушила ее Яромила.

– Лучше не надо, – откашлявшись, сказала она. – И да, тут я что-то по старости лет напутала. Но с Мораной ты все же знакомство свел, ведьмак, это мне доподлинно известно. Видели тебя там, в Нави, с ней.

– Так я это не особо и скрываю. Ну да, мы иногда, правда не очень часто, общаемся. Не могу сказать, что меня это сильно радует, но при этом и не очень напрягает. А если не секрет, кто же это такой глазастый и разговорчивый?

– В густых туманах, что стелются у реки Смородины, кто только не снует, – распевно произнесла Яромила. – И кто только не ползает.

– Чистая правда. – По спине пробежали мурашки, это я вспомнил скрежет чешуи огромного змея. – Так это, выходит, вам Полоз другом приходится? Он вас просветил на мой счет?

– Не вздумай такое еще раз сказать, – ткнула меня в спину кулаком Веряя. – Полоз нашей покровительнице никогда другом не был. Напротив, он ей и ее сестрам всякие ковы чинил, всё то добро, что они лесам, полям да водоемам несли, изничтожить пытался.

Сделаю вид, что поверил, хотя это и не так. Все эти славянские боги чем-то похожи на соседей по коммуналке, которые вынуждены жить рядом, но при этом друг друга терпеть не могут. Всякий из них считает, что именно он лучше других, но никто, кроме него самого, этого не понимает.

– Ладно, это лирика, – никак не комментируя ее слова, произнес я. – Досточтимая Яромила, так что вам в Нави надо-то?

– Вот! – назидательно произнесла ворожея. – Я же говорила – все обсуждается. Главное – в правильный момент повернуть беседу в нужную сторону. А надо нам, Саша, чтобы деревце, растущее на одном из тамошних курганов, водой из реки Смородины полили.

– Если не секрет – зачем? – поинтересовался я. – Чтобы там через четыре года вырос город-сад?

– Что-то в этом роде, – покивала старушка. – Так берешься?

– Нет, – моментально ответил я, – и не подумаю. Что Навь, я даже в пределах нашей планеты на подобное не подписался бы. Есть в мире места, куда я сроду не сунусь. Это, похоже, одно из них.

– Саша, со временем тебя никто не торопит, – сообщила мне Веряя. – Как сделаешь – так и сделаешь.

– А все равно нет, – мотнул головой я. – У меня, дамы, есть железное правило – никогда не обещаю того, в чем не уверен. Время – категория относительная, сегодня вам не горит, а завтра приспичит. Придете вы в мой дом и скажете: «Сколько можно ждать, делай, что посулил». И что тогда? Для меня-то ничего не изменится, я как в Навь сейчас не рвусь, так и после рваться не стану. Так что – не судьба. Жалко девчущку, которая помрет, хорошая она, но себя мне все же жальче.

– Это можешь сделать не ты, а кто-то другой, – предложила Яромила. – Нам все равно, кто деревце польет.

– У меня знакомых, которые с лейками по Нави станут бегать, нет.

Интересно, а почему они сами в Навь сунуться не могут или кого-то для того нанять? Явно же у них связи пообширнее, чем у меня. Опять же – кто-то им стуканул о том, что я и Морана знакомы, верно? Так его бы и попросили. Или её.

Значит, есть здесь подвох. Впрочем, о чем я, данный факт даже сомнению подвергать не стоит. Конечно же он есть, просто непонятно какой. Да и не очень мне это хочется знать, если честно.

– Ну, был рад познакомиться. – Я протянул руку к Яромиле, давая ей понять, что хочу забрать мандрагыр обратно. – Поеду домой. Дело к вечеру, пока до города доберусь, пока то, пока се.

– Вот всегда твоих сородичей уважала, – ворожея положила корень на стол, а после накрыла его ладонью, – крепкие вы, настоящие.

– Есть такое. – Я припечатал свою ладонь к столу рядом с ее. – И очень тверды в своих убеждениях.

– Утро вечера мудренее, Александр – мягко произнесла Яромила. – Давай продолжим этот разговор завтра, может, тогда до чего и договоримся? Да и потом – чего тебе на ночь глядя куда-то переться? Побудь у нас в гостях, еды нормальной, домашней, поешь, воздухом чистым подыши. А если сомнения какие есть, то я, старшая мать, даю тебе слово в том, что никто из нас ни на свободу твою, ни на разум, ни на волю, ни на тело посягать не станет. Ты наш гость, а он – свят, тому порукой Покон. Что до мандрагыра – вот, бери его, пусть он пока у тебя хранится.

Смысла в этом особого не было, поскольку мнение свое я менять не собирался, но, выждав с полминуты, я все же согласился на ее предложение. Ворожеи эти, конечно, те змеи, и доверия им нет, но такую клятву они нарушать не станут, это уж точно. Покинь я их деревню прямо сейчас, и все, считай, отношения разорваны, в следующий раз они меня сюда могут уже и не пустить. Из принципа или из извечной женской вредности, но запросто. Случаи же бывают разные, никогда наперед не знаешь, кто и что тебе понадобится в будущем. Потому – переночую, хрен с ним. Погуляю по окрестностям, поем, чем угостят, завтра с утра еще раз скажу «нет» и свалю в Москву. Ну и выплюсь, кстати, от души. Воздух тут правда дивный, медвяный прямо, после такого засыпаешь как младенец.

Так и вышло, заснул я сразу после того, как голова подушки коснулась, вот только сна того было хрен да маленько. Почему? Потому что он сменился чернотой, набитой звездами, а после я брякнулся всем телом о землю, да так, что чуть дух не вылетел.

– Ты что творишь? – Меня подняли с земли одним могучим рывком, и я ощутил, что ноги земли больше не касаются. – Ведьмак, ты совсем умом тронулся?

Глава 4

– Ого, как вы силенок набрались, – просипел я, дергаясь. – И подросли!

И это чистая правда. Нет, Морану и до того карлицей никак назвать было нельзя, благо ростом и статью ее Род (ну или кто там ее родитель) не обделил, но сейчас она еще выше стала. Метра два с половиной, кабы не больше. А глаза-то, глаза какие! Года три назад я бы наверняка струхнул, увидев гнев, что в них плещется. Сейчас – нет. Сейчас меня напугать стало куда сложнее.

– С такими слугами, как ты, только на себя надежда есть, – процедила богиня и перехватила меня другой рукой, причем теперь взялась за воротник. Прямо как нашкодившего щенка меня держала, того и гляди ткнет лицом в землю, приговаривая: «Кто это наделал, кто это наделал? Ешь, ешь давай!» – Правду говорил Дажьбог – с такими слугами враги не нужны!

– Морана, в нашем мире есть такой лекарственный препарат, называется «глицин», – протараторил я. – Вам бы его попить. Только вот не знаю, как сюда доставить.

– Зачем? – глубоко перед тем вздохнув, спросила богиня, а после легонько меня встряхнула.

– Так он для памяти полезен. Вы все время забываете очевидные факты, например такие, что я вам не слуга и даже не друг, а просто хороший знакомец, который из личной симпатии кое-что для вас делает. Потому подобные претензии не имеют ни малейшего смысла.

– Ведьмак, я и без того еле сдерживаюсь, чтобы тебя не придушить, – сквозь зубы процедила Морана. – Ты лучше радуйся, что не попал ко мне в руки парой-тройкой дней раньше. Никак я не могла до тебя дотянуться, вот только сегодня получилось.

Интересно почему? Не потому ли, что я нынче оказался в гостях у ворожей, которые к старым временам ближе, чем кто-либо другой?

– А что не так-то? – уточнил я. – Вроде все идет по плану. Души вы получаете регулярно, пусть не лучшие, но все же опять-таки...

– Ты с кем кровь свою смешал недавно? – очень истерично, непохоже на себя прежнюю да прямо-таки по-бабски взвизгнула богиня. – Ты что натворил?

Тьфу ты! Вот она чего бесится. А я-то уж подумал...

– С хорошим парнем, Хранителем кладов, – не стал скрывать я, а после немного подергал ногами. – Скажите, нельзя ли меня на землю опустить? Понимаю, что вы в гневе, но все-таки давайте придерживаться цивилизованных способов общения.

– Да пошел ты! – совсем уж по-простонародному сообщила мне Морана и разжала руку, после чего я снова брякнулся о землю. – Лучше бы я дальше спала себе и спала, все меньше мороки.

Она тяжело вздохнула, подошла к пню-трону, который, кстати, тоже изрядно увеличился в размерах, и уселась на него.

Изменения коснулись не только пня. Терем, который за те два года, что я отсутствовал, было расплылся и стал почти призрачным, опять обрел основательность и выглядел вполне пригодным для жилья. Мало того – близ него появилась еще какая-то постройка, не то маленький сарай, не то большая конура. Может, там моя сердешная подружка Мара проживает? А что, при ее дитячьих габаритах самое то.

Мало того – над островком, ставшим домом для богини, мерцали звезды! До того все вокруг него было затянато серой мглой – и слева, и справа, и сверху, разве что иногда тусклый блин непонятного светила сквозь неизбывную муть себя покажет. А теперь вот небо можно созерцать.

И она еще чем-то недовольна!

– Я тебе что говорила, недотепа ты эдакий? – печально произнесла Морана. – Ты должен был убить слугу Полоза, а не дружбу с ним заводить. Слышишь ты меня? У-бить!

– Верно, говорили, – не стал спорить я. – Вот только ваши желания для меня, уж извините, не закон, о чем, кстати, я снова вам, выходит, напоминаю. Когда они с моими совпадают, то с удовольствием и со всем уважением вас порадую. А когда нет – поступлю так, как сам хочу. Хранитель кладов отличный парень, мы с ним плечом к плечу в драке стояли, мандрагыр многовековой добыли и стае оборотней хвост на нос натянули. Не хочу я его у-бивать, понимаете? И не стану. И он меня тоже.

– Про то ведаю, – усмехнулась богиня. – Слышал бы ты, как Полоз с той стороны реки орал, когда прознал про вашу выходку. И его частил по-всякому, и тебя, и даже меня. Как видно, решил, что это ты по моей воле так его уязвить надумал. Дескать, я чужого слугу к своим рукам прибрать решила. Хоть какая-то польза от твоей глупы вышла, змеюка эта на злобу исходит, от того мне немалая радость. Мало того – он два дня как чешуей у берега не скрипит, уполз куда-то. Небось в свой курган, на золоте нежиться, душой отдыхать да черные мысли тетешкать.

– Ну так и чем вы недовольны? – удивился я. – Вон как хорошо получилось. Раздражающий фактор устранен, пусть даже на время, плюс из зоны комфорта мы его выдавили.

– Вот вроде на одном языке мы с тобой говорим, а я половину слов не понимаю, – опять вздохнула Морана. – Что за «комфорт» такой? Что за «фактор»?

– Чем ему хуже, тем нам лучше, – решив, что филологическая дискуссия мне сейчас точно ни к чему, пояснил я. – Выходит, все верно мной сделано, правильно Хранителя кладов убивать не стал.

– Неправильно, – топнула ножкой в красном кожаном башмачке Морана и повторила: – Неправильно! Сегодня вы друзья, а завтра он тебе нож под лопатку воткнет! Враг в спину никогда не бьет, он всегда глаза в глаза стоит, если только ты бежать от него не вздумаешь. Ты, стало быть, умрешь, и как мне тогда быть? Снова в тумане сером сидеть, понимая, что это навсегда? Или ждать, пока меня чешуйчатые кольца обовьют? Не хочу так! Не желаю!

– Ну, так это меня и не он убить может, – хмыкнул я. – Знаете, сколько у меня заклятых друзей? У! Не сосчитаешь! И ведьмы, и волкодлаки, и вудуисты даже.

– Это кто же такие? – заинтересовалась Морана.

– Негры-каннибалы, – пояснил я. – Ну, они цветом черные, как головешки из костра, людей едят и живут в... э-э-э... Во франкских землях.

– Каких землях?

– Далеко отсюда, – рассудив, что и географическую тему затрагивать тоже не стоит, отделался общей фразой я. – Они Кашеевичу поклонялись, а он от моей руки пал, так теперь эти поганцы мне смертную войну объявили, хотят отомстить. Ну и пообедать заодно, причем мной же. Так что желающих меня прибить хоть отбавляй.

– Нашел чем гордиться, – сморщила носик Морана. – Врагами обзавестись – дело нехитрое, было бы желание. А вот сделать так, чтобы они, тебя ненавидя, даже пискнуть не могли, вздохнуть лишний раз боялись – это куда сложнее. Полоз в старые времена меня седьмой дорогой огибал, в Рудных горах отсиживался, лишь бы я про него не вспоминала.

Рудных – это, наверное, Уральских.

– Ничто, – ладони богини сжались в кулаки, – ничто, еще придет то время, когда он обо всем пожалеет. Придет!

– Даже не сомневаюсь в этом, – поддакнул Моране я и потряс кулаком в воздухе. – Вот мы его тогда!

– Скажи, а ты сейчас вообще где? – откинулась на спинку своего трона богиня. Что любопытно – она как будто снова стала меньше ростом. – Я нынче вечером к тебе посылала свою

служанку, она вернулась ни с чем. Сказала, что она только слугу нашла, который весело там проводит время в компании домовых.

– В чем в чем, а в этом даже не сомневаюсь, – усмехнулся я. – Небось квас пьют и пиццу едят.

– Вот тоже непорядок, – поморщилась Морана. – В былое время это племя со двора носа не казало, пискнуть из подпечья не смело. А теперь что? Они мою служанку из твоего дома гнать надумали! За дреколье взялись!

Ну да, Вавила Силыч сотоварищи был готов смириться с визитами Мары (а именно про нее речь) тогда, когда я об этом его просил. Но когда меня нет, ни он, ни остальные подъездные представительницу Мораны на своей территории терпеть не станут, это уж точно.

А если там еще и Кузьмич присутствовал, то вообще у-у-у-у-у...

– Так именно домовые сейчас являются самым, пожалуй, массовым видом существ, которые уцелели со старых времен, – предположил я. – Русалок – и тех меньше, думаю. А если их больше всех, с чего им под печью сидеть? Они сами кого хочешь под нее загонят. Тем более что у нас в домах централизованное отопление.

Ничего мне на это богиня не ответила, только недовольно губы поджала.

– А я сам сейчас в гостях у ворожей. Это наследницы берегинь, они по их заветам по сей день живут.

– Вон что! – Морана после этих слов оживилась. – Теперь ясно, почему я так легко до тебя сумела дотянуться. А что у тебя с ними? Дело какое общее или как?

– Не то чтобы... – я повел плечами. – Одной из них услугу небольшую оказал, не даром, разумеется, приехал плату забрать. Плюс попросил из мандрагыра зелье сварить для одной своей знакомой, которое ее на ноги поставит. Там девчонке жить осталось всего ничего, жалко ее. Вот только не получилось у нас договориться, их старшая такую плату заломила, что я сразу «нет» сказал.

– Какую плату? – немного вкрадчиво осведомилась богиня.

– Где-то там есть курган, – я ткнул пальцем в туманы, пеленой стоящие на той стороне Смородины. – В нем покоится некая Ладимира, их прародительница.

– Была такая, помню, – кивнула богиня. – С веснушками, смеялась бесперечь. Ей палец покажи – она сразу в хохот, аж в животе булькает. Лель ей отчего-то особенно благоволил, они часто по весне вместе в лугах бродили. И?

– Они хотят, чтобы я нашел тот курган, где она покоится, и полил деревце, на нем растущее, водой из Смородины. Нормально, да? Мне в ту сторону смотреть-то жутко, а эти кошелки желают, чтобы я там бродил и курган с деревом искал.

– Ну, найти его задача не самая тяжелая, – задумчиво произнесла Морана, закидывая ногу на ногу. – Знаю я, где стоят те курганы, под которыми покоятся сестры-берегини, все одиннадцать. Они ушли сюда, в Навь, одними из первых, раньше, чем я или Полоз. Уж не знаю, чего у них больше, глупости или трусости, но только увидев, как наш мир рушится, как люди рубят топорами наши изваяния, жгут их, бросают в реки, они сорвали с себя нашейные цепи с оберегами, в которых хранилась их сила, и доброй волей ушли сюда, в Навь, спать вечным сном. А чуть позже на них деревца выросли, у кого ольха, у кого березка. В то время тут еще все по-другому обстояло, в ту пору Навь в серую погибель еще не превратилась.

– Постойте, вы сказали одиннадцать, – потер лоб я. – Что-то арифметика не сходится. Вроде их, берегинь, двенадцать было. Или я чего путаю?

– Все так, двенадцать, – кивнула богиня. – Молодец, ведьмак, от знаний не бегаешь. Желана, что первой на белый свет явилась, за сестрами своими не пошла, осталась там, в Яви. Оберега лишилась, Перун с нее его сам сорвал, но и только. До сей поры, поди, белой голубицей где-то порхает.

– Прямо сам Перун? – впечатлился я.

– Кто ковал – тот и сорвал, – подтвердила Морана. – Говорю же – в тех берегах вся сила берегинь содержалась, они им власть над травами да деревьями, полями да лесами давали. Не такую, как тамошним хозяевам, но все равно немалую. А перед тем, как в Навь уйти, они с себя их сняли, да и побросали кто куда. Небось до сих пор где-то в вашем мире те береги обретаются, может, даже кто ими пользуется. Сила в них немалая осталась, Александр. Попади такой к опытному колдуну, например, так он через него много пользы поиметь сможет. Да тех же волкодлаков на службу себе поставит или водяного примучит, чтобы тот ему золото да жемчуга со дна реки таскал.

Стоп. А ведь на шее у Яромилы цепочка поблескивала. Ни у кого из ее соплеменниц ничего такого я не приметил, более того, меня немного удивил тот факт, что у них даже перстней или колец на пальцах не имелось. А вот у нее точно цепочка была – искусного плетения, червонного золота, уходящая под белое платье. Может, на ней и оберег болтается, а?

– Значит, задумали наследницы до пращурницы своей достучаться. – Богиня сплела руки на груди. – Занятно, занятно... А ты, значит, отказался им помочь?

– Само собой, – сказал я. – Мне жизнь пока не надоела. Да и потом – знаю я эти фокусы. Положим, доберусь я до нужного места, полью дерево, а после изнутри кургана хрень какая-нибудь выползет и меня сожрет. Нет, не надо мне такого счастья.

– Никто тебя там не сожрет, можешь не бояться. По дороге к кургану – очень даже просто, а там нет. Берегини всегда несли в мир добро и вряд ли сейчас изменились, – заметила Морана. – А что ты про слова не упомянул?

– Какие слова?

– Между «доберусь до кургана» и «полью дерево» какие-то слова надо будет сказать наверняка. Заклятие или призыв... Не знаю точно. Но без них не обойтись. Вода Смородины сильна, но для того, чтобы разбудить берегиню, ее мало. Нужны правильные слова, и непременно сила извне.

– Ничего такого Яромила не упоминала, – произнес я, подумав о том, что богиня совершенно права. Странно, что мне самому это в голову не пришло. Однако вон чего эти хитрюги задумали – берегиню пробудить. – Это старшую у ворожей так зовут.

И еще – что за «сила извне»?

– Ну, может, потому что все и так понятно? – предположила Морана. – Только впустую они суетятся, нет Ладимире отсюда пути в ваш мир что спящей, что проснувшейся. Хотя... Может, они и не желают ее к себе забирать? Может, они просто что-то у нее вызнать желают? Берегиням было многое открыто, причем такое, о чем даже боги не ведали.

– Да пофиг, – отмахнулся я. – Им надо, пусть сами и суетятся, без моего участия. В этих гиблых местах есть только один позитивный момент – вы. Вот к вам я всегда рад наведаться в гости, особенно с учетом того, что тут все краше и краше становится. И дом вон для проживания совсем пригоден.

– А мне кажется, ты поспешил, – глянула на меня богиня. – Не торопись отказываться от того, что добром предлагают, ведьмак. Сам же говорил – врагов у тебя вдосталь, а вот друзей почти нет. Может, как раз потому, что ты их от себя сам отталкиваешь?

– Даже не начинайте, – заявил я, мигом поняв, в какую сторону моя собеседница разговор загибает. – Не полезу я на ту сторону Смородины ни для них, ни для вас, ни даже для себя. Или вы думаете, что я забыл о том, что где-то там есть и другие курганы, в которых теперь уже мои пращурки лежат, причем вместе со своими мечами? Само собой, за такой клинок можно много на что пойти, только у меня даже мысли подобной не возникало, потому как знаю, что живым оттуда не вернусь.

– Змей иногда покидает Навь, – бесстрастно сообщила мне Морана. – И я чувую, когда его тут нет. Да, там хватает и других напастей, спора нет. И ты на самом деле не доберешься до места последнего упокоения дружинников Вещего князя, так как почти наверняка сгинешь

по дороге. Но вот последнее пристанище Ладимиры – с ним все куда проще, оно совсем рядом с нами. Вон там.

Морана встала и, вытянув руку, показала мне на серое марево. Что уж я там должен был увидеть – поди знай.

– Шагов пятьдесят от берега, не больше, до ее кургана, – продолжила богиня, снова садясь на пень. – На нем ивушка растет.

– Очень трогательно, – покивал я. – Ивушка, все такое. Но давайте уже о чем-то другом поговорим, пожалуйста. Например, еще меня за дружбу с Хранителем кладов поругайте. А еще лучше – давайте вернемся к вопросу о вашем доме. Внутри-то все восстановилось? Комната с сундуком как, доступна уже для посещения?

Ну а что? Она меня только раз до своей волшебной книги допустила, да и то я тогда оттуда знаний почерпнул всего ничего. А хотелось бы побольше.

– Желаете еще моих знаний заполучить? – усмехнулась богиня. – Вижу, вижу. Ан нет, не сегодня. И знаешь отчего?

– Догадываюсь.

– Верно. Просто не хочу. – Как видно, женское ехидство не знает временных рамок, поскольку сейчас и голос богини, и ее интонации невероятно напоминали мне некоторых моих знакомых, в разных ситуациях произносивших ровно ту же самую фразу. – Не ты один такой упрямый, ведьмак.

– Не упрямый, а рациональный, – буркнул я и чуть потише добавил: – А вы вредная. Тьфу.

– Еще раз тебе советую: подумай над тем, что тебе предложили наследницы Ладимиры, – топнула ногой Морана. – И про остальное не забывай. Помни, кто есть я и кто есть ты!

Я-то помню, даже не сомневайся. Ты вот ко мне два дня пробиться в сон не могла? Ну, до того, как я на экоферму отправился? И очень хорошо. Мало того – я не поленюсь, заморочусь, такое зелье найду, которое еще мощнее блок у меня в голове против всяких разных гостей из прошлого поставит. Вот и кукуй тут одна, смотри на туманы, пытайся в них ивушку разглядеть!

Потому что жадничать не надо. Раз запрягаешь, хоть корми, как говорила одна моя знакомая по банковской сфере. Я ей души одну за другой подгоняю, а она мне кукиш вместо древних знаний под нос сует. Это очень неравноценный обмен. Так дела не делаются.

– Думай, – пригрозила мне пальцем богиня, а после я провалился в привычное уже марево, то, которое похоже то ли на липкий кисель, то ли на жаркую перину.

– Вставай! – гаркнул мне в ухо звонкий девичий голос. – Соня-соня-соня! Смотри, всю жизнь свою так продряхнешь!

– Не дождетесь, – проворчал я, но глаза открыл и увидел перед собой улыбающееся лицо Добронегги, той шустрой девчонки, что учуяла моих призрачных спутников.

– Умывайся и за стол, завтракать будешь, – велела мне она. – Я тебе щавелевых щей принесла. Они как раз настоялись, вкусные!

– Ох, – я икнул, – какой завтрак, какие щи? Мне давешнего гуся переварить бы! Куда я его вчера столько съел?

– Как раз самое оно, – со знанием дела сказал Добронегга. – Давай-давай, не спорь. Это наш дом, ты в нем гость, так что слушайся.

– Не твой это дом, а Вереи, – огляделся я. – Кстати – она где?

– По делам ушла, – бойко ответила девушка, подходя к столу, на котором стоял чугунок, прикрытый крышкой, и миска с белоснежными куриными яйцами. – А Ильмера сегодня в магазине работает, ее очередь.

– Она же немая. Как?

– Ну так не безрукая же? – резонно ответила Добронегга, одной рукой берясь за нож, другой – за круглый полукаравай серого хлеба. – Деньги принять может, товар отдать тоже, а большего от нее и не требуется. Ну, а мне велели тебя обихаживать – кормить, поить и развлекать до той поры, пока у Яромилы время не появится. Она с тобой напоследок еще разок поговорить желает.

Неприятное какое слово «напоследок». Понятно, что убивать гостя никто не станет, но, похоже, видеть в своем доме ведьмака ворожеи больше не желают.

А щи-то оказались отменные, большая у Добронегги мамка мастерица по этой части. Я был уверен, что в меня и трех ложек не влезет, а в результате чуть ли не полчугунка в одиночку выхлебал. Если бы еще не любознательная юная ворожея, которая меня разными вопросами безостановочно тюкала, все было бы совсем замечательно.

– Саш, а мертвые у тебя чего-то просят?

– Саш, а мертвые тебе навредить не пытались?

– Саш, а мертвые чего-то боятся?

– Саш, а у тебя девушка есть?

С какого-то момента я на вопросы стал отвечать механически, используя только «да» или «нет», поскольку заподозрил, что ответы Добронегге не так уж и нужны, но вот последний меня выбил из седла, причем настолько, что я даже закашлялся.

– Так есть или нет? – Девушка встала с табурета и несколько раз крепко ударила своим кулачком мне по спине.

– С какой целью интересуешься? – просипел я.

– Так понравился, – без тени смущения сообщила мне юная ворожея. – Что в годах разница – не страшно, женщины стареют быстрее мужиков, со временем сровняемся. Главное, что ты с той стороны ладишь, сама видела. С такой силой и сам не пропадешь, и те, кто рядом, голодными спать не лягут. А то, может, меня чему подучишь? Вместе мы куда больше разного сможем. Не захочешь – не беда, все равно вдвоем в этом мире быть лучше, чем одному.

– А как же мамка? – Я вытер слезы, которые от кашля выступили на глазах. – Остальная родня? Заругают же.

– Не по нраву я Яромиле, знаю точно, – очень по-взрослому насупилась Добронегга. – Не нравится ей, что я мертвых чую, а больше ни к чему не способна. Что Яромила, мне мамка несколько раз уже пеняла на то, что я вот такой никчемной родилась. Так что мне что с тобой, что без тебя – все одно придется отсюда уезжать. Знаю я, чем все закачивается для тех, кто старшей не по душе пришелся.

– А чем? – мигом поинтересовался я.

– Тем. – Девушка продемонстрировала мне розовый язычок. – Забирай с собой, тогда все расскажу. Ну а что деток у нас с тобой быть не может – не беда. Не сильно они мне и нужны, особенно при твоём ремесле. Что им за радость в доме расти, где бесперечь мертвые околачиваются?

– Тебе лет сколько, чайлдфри с экофермы? – усмехнулся я. – Шестнадцать-то есть?

– Аккурат шестнадцать и есть, в том месяце исполнилось, – независимо ответила Добронегга. – А, ты про условности и все такое? Могут посадить, ай-яй-яй? Это моя забота и моя печаль, сделаю так, никому до нас дела не будет.

И я как-то сразу ей поверил, больно уверенно ее слова звучали. Эта сможет и сделает.

А что, может, и правда забрать ее в Москву? Ну да, скороспелка, но по ней так и не скажешь, особенно если снять с нее сарафан и одеть нормально. Ну и обувь еще купить, чтобы не босиком по городу бегала. Сниму квартиру, в институт какой-нибудь на платное отделение определю, пускай учится. Интересно, а она вообще в школу ходила, у нее аттестат есть? Хотя это не проблема, через того же Стаса ей любые документы можно выправить, причем настоящие и с нормальным именем.

Да и на фиг она мне не нужна с интимной точки зрения. Зато сколько всего интересного она рассказать сможет, и не только про внутреннюю кухню ворожей. Последняя, признаться, меня как раз меньше всего интересует, многое мне и так уже предельно ясно. Эта девочка с рождения живет в месте, где старое время, по сути, не заканчивалось, оно тут живо, пусть не полной мере, но все же. Я это почуял сразу, с первой минуты, но увы, меня не то что дальше порога не пустили, мне не дали даже на крыльцо взойти. А она – другое дело. Она шестнадцать лет тут была своя, та, от которой никто ничего не прятал. За полгода-год я из нее все, что она знает, выжму, а там, глядишь, природа свое возьмет, она с каким-нибудь ровесником шуры-муры разведет и свалит с ним строить счастливое современное будущее, в котором нет экофермы, сарафана и мамки, которая щавель отправляет в пойму собирать. Я ей даже денег на дорогу дам.

– Если ты про старших и родню – они тебе ничего не сделают, – по-своему истолковала мое молчание Добронега, извечным женским чутьем отчасти верно уловив мои сомнения. – Вина на мне, к тебе какие вопросы? Только я все равно никому тут не нужна, так что меня просто забудут.

– Это как?

– Так, – развела руки в стороны девушка. – Словно и не было никогда. Я ж по-тихому отсюда свалю, не как дурачок Истома. Не испугай он тогда Ильмерку и деньги не своруй, так и его бы вовсе не искали. Сбег и сбег, туда ему и дорога.

Ой, боюсь, малая, ты все же неправа. Не сойдет твой побег тебе с рук, да и мне он может неслабо так аукнуться. Как возьмет твоя мамка, как напишет на меня заяву о том, что я ее дочку любимую растлил, и все, привет, пожалуйста в камеру с веселой статьей, той, которую в местах лишения свободы очень не любят, а ее обладателей, наоборот, в каком-то смысле очень жалуют. Отмазаться, я, конечно, отмажусь, тот же Носов меня вытащит из любого каземата быстро, но оно мне зачем? Больно уж паскудный изначально инфоповод, потому и должок перед ним появится неслабый.

Опять же – что, если это все подстава? Немудреная, но действенная? Скажем прямо – соблазн-то велик, не всякий перед таким устоит. Сами посудите – вот так, запросто, по щелчку пальцев, можно заполучить молодую девку с крепким телом, которая хоть прямо сейчас готова на все, да еще знающую много всякого разного интересного о том, о чем ни в одной книжке не пишут. И снова все та же заява, все так же камера, только уже с простым и понятным условием – не хочешь, чтобы тебя употребляли всяко десять, а то и больше лет где-нибудь в Мордовии? Тогда давай, ведьмак, ступай в Навь деревце поливать. Выбор за тобой. И сразу уясни – никому нет дела до того, что у тебя есть принципы и что ты эту девку на самом деле даже пальцем не трогал. Правильно составленная бумага любые слова всегда перевесит.

Короче, вариантов масса. И все они, скажи я «да», предполагают не самое веселое развитие событий. Вывод? Надо в обязательном порядке сказать сейчас «нет». Тем более что последние два дня я только тем и занимаюсь, что всем «нет» говорю.

– Я хоть сегодня вечером могу сбежать, – сдвинув брови, сообщила мне Добронега. – Ты меня в городе, главное, подожди. На автовокзале.

– Бежать можешь, – разрешил я. – Но без меня, малая, уж не обессудь. Ты девчонка симпатичная, неглупая, но рядом со мной тебе делать нечего.

– Почему? – спросила Добронега и зло прищурилась.

– Ведьмаки вообще предпочитают одиночество, – миролюбиво пояснил я. – Мы не коллективные создания. Ну а с моей профессией компания вообще ни к чему. Сама же сказала – вокруг меня всегда мертвые, стало быть, живым тут не место, особенно таким юным, как ты.

– Я так думаю, дело не в этом, – вскочила из-за стола девушка. – Просто ты...

– Стоп-стоп-стоп! – остановил я ее. – Только не начинай рассказывать мне о том, что кое-кто просто струсил, что он не уверен в себе и том, что ему под силу отношения с такой,

как ты, и так далее и тому подобное. Я все это уже слышал, и не раз. Мой ответ «нет». Все, разговор окончен. И спасибо за завтрак, было вкусно.

– На здоровье, – фыркнула Добронег и выскочила из горницы, только дверь за ней хлопнула.

Интересно, какой из вариантов все же верный? Подстава это или нет?

Додумать эту мысль я не успел, поскольку в кармане задергался телефон, который еще вчера был поставлен на виброзвонок. Звук я от греха отключил. А ну как еще и его сдать заставят, приравняв чудо китайской техники к мертвым душам?

О, Маринка. Очень кстати, у меня к ней один серьезный вопросик имеется.

– Сашк, привет! Ты чего дверь не открываешь? Я же слышу, что ты дома! – протарахтела моя соседка. – Давай живее! Мне кофе нужен, я без него проснуться не могу.

– Нет меня дома, я еще вчера в область уехал. Так что извини.

– А кто тогда у тебя в квартире? – озадачилась Маринка. – Слышно же, что люди там есть. Вон говорят.

– Может, телевизор забыл выключить? – внутренне обещая выдрать Родьке ноги из задницы, предположил я.

– Точно нет. В нем же датчик стоит, если три или четыре часа никакую кнопку не нажимать, он выключится. Саш, давай я Стаса вызвоню. Может, там воры? Приедешь, а там квартира вынесена. Стой! Все, теперь там тишина. Точно говорю, что-то не так.

– Не суетись, – попросил ее я. – Скоро приеду, сам гляну. Ты мне, подруга, лучше вот на какой вопрос ответь.

Снова хлопнула дверь, и в горницу одна за другой вошли Верея и Яромила. Ну вот и ответ на мой вопрос, теперь можно даже не гадать.

Я улыбнулся ворожеям, скорчил рожицу из серии «Извините, важный разговор» и ласково спросил у собеседницы:

– Марин, роднуля, скажи: кто вам дал право продавать фотки со мной за границу, а?

Глава 5

– А кто нам запретит? – удивилась соседка. – Аккредитация была, фотограф редакционный, все легально. Итальянцы предложили продать снимки, мы согласились, бумаги подписали, все честь по чести. В чем проблема-то?

– Но я-то не модель, а сам по себе. Мое согласие что, не нужно?

– Нет, – безмятежно ответила мне Маринка. – Во-первых, ты стоишь на подиуме в манерной позе, а потому явно являлся частью показа. Откуда нам знать – модель ты, не модель? Во-вторых, нам такую денежку предложили, что главред чуть дар речи не потерял, потому никто бы его не разубедил в том, что этого делать нельзя. Мамонт в гневе страшен, его даже я боюсь. В-третьих, ты мой дружок сердечный, правильно? Значит, бочку катить на нас не станешь. Ведь не станешь?

– Вот фиг знает, – буркнул я. – Меня из-за вашей заметки только ленивый не пнул, а тут еще это. Если продолжат на мозг приседать, то могу впасть в ярость не хуже твоего Мамонта.

– Будет тебе компенсация, – промурлыкала в трубку соседка. – Давай так – я тебе куплю большой торт с кремом, бутылку дорогого коньяку и еще сиськи покажу. Как тебе такой вариант?

– Душа моя, ты запоздала где-то лет на пятнадцать, – хмыкнул я. – Вот кабы ты мне такое предложила тогда, то да, не устоял бы. Да и потом – ты серьезно? Чего я там не видел?

– Тогда ограничимся тортом и коньяком, – серебристо рассмеялась Маринка. – Кстати – наверное, это соседи сверху барагозили. Не шумит у тебя в квартире никто.

Само собой. Что Родька, что подъездные ребята с хорошим слухом, вот и затихарились. Но все равно как приеду, так им за подобное поведение вкручу по первое число.

– Да, Саш, еще вопрос есть, – посерьезнел голос соседки. – Мне птичка на хвостике принесла такую новость, что ты с господином Белозеровым общаешься, вернее с членами его семейства. Сначала один мой коллега тебя с его бывшей видел, а вчера я дочурку его младшую у нашего подъезда заметила. Я ее в лицо знаю, пару лет назад с одним чертом из «Белого паруса» материал один делала из серии «Богатые – они как мы, только богатые». Память у меня профессиональная, я ее сразу признала. Да и не так часто «Порше Бокстер» в нашем дворе увидишь.

Вот это интересная новость. С чего бы Марине Белозеровой, которая вроде как должна обретаться в рехабе и лечиться от своей порочной зависимости, ошиваться у моего дома? Странно и непонятно это. А непонятное я не люблю.

– Положим, – уклончиво ответил я. – И?

– Мне бы по Белозерову эксклюзивчик заполучить, – вкрадчиво прошелестел голос соседки в трубку. – Саш, за мной не заржавеет, ты же знаешь.

– Еще один торт и бутылка коньяка? – усмехнулся я, одновременно с этим скорчив рожицу «Ну извините, это важно», адресовав ее недовольно глядящим на меня ворожеям. – Мне и первые-то не сильно нужны.

– Мы договоримся, – заверила меня Маринка. – Поверь, я найду способы, как с тобой рассчитаться. У меня богатая фантазия.

– Это да, – согласился я. – Ладно, подумаю. Да, вот еще что. Тот парень, что про меня статью написал, в Москву еще не вернулся?

– Какой парень? – озадачилась было Маринка, но тут же продолжила: – А, Киф! Нет, он еще на Алтае.

– Ну, пусть его, – вздохнул я. – Ладно, пойду, меня люди ждут.

– Вечером позвоню, – пригрозила соседка. – И буду дергать постоянно, пока ты мне положительный ответ не дашь, ясно?

И первая повесила трубку. Любит, чтобы последнее слово всегда было за ней. Да и вообще упорства ей не занимать, вот еще бы деликатности самую малость добавить.

– Дико извиняюсь. – Я убрал телефон в карман джинсов и смущенно улыбнулся. – Знакомая журналистка, ее вот так просто не пошлешь. Четвертая власть все же, от нее вреда и пользы может быть одинаково много, так что лучше дружить. Опять же – крайне пронырливая девица, много видит, слышит, знает.

– Это важно, – согласилась со мной Верея, усаживаясь за стол. – Правильно рассуждаешь, ведьмак. Сила – хорошо, деньги – хорошо, но крепкие связи куда полезней. Они мощнее вдвое, а то и втрое всего перечисленного.

– Кабы твои сородичи мыслили так же, то с ними было бы куда проще поладить, – добавила Яромила, устраиваясь рядом с ней и жестом предлагая мне присесть напротив. – Застряли они в прошлом веке, а то и в более старых временах, заостенели в своих правилах и устоях, не понимают, что сейчас пришла эра не сильных, а цепких.

– Может, и так, – кивнул я, снова опуская зад на стул. – Но это мой род и моя кровь, другой не будет.

– И даже если они построятся колонной по трое и отправятся на верную смерть, ты пойдешь вместе с ними? – не без ехидцы уточнила старшая мать.

– Все зависит от ситуации. Если речь будет идти о добровольном самоубийстве – нет. А если встанет выбор – умереть с честью бок о бок со своими или дальше жить одному и с позором – да, – подтвердил я. – Тем более что вряд ли в этом случае мне будет отведена долгая жизнь. Безродный одиночка-предатель в Ночи долго не протянет, его распустят на ленты очень быстро. Легкая добыча. Да вы и сами это знаете.

– Знаем, знаем, – покивала Яромила. – Ну что, Александр, обдумал наше предложение? Утро вечера мудренее, как известно.

– Чистая правда, – подтвердил я. – Полночи не спал, ворочался, так и так прикидывал и все же решил, что неохота мне по Нави шастать, даже ради того, чтобы таким красивым женщинами, как вы, удружить. Мой ответ – нет. Так что спасибо за ночлег, доброту, ласку и вкусную еду, но я, пожалуй, поеду домой. Буду другие возможности знакомицу свою вылечить изыскивать.

Ворожей переглянулись, а я тем временем заговорщицки глянул на дверь и, понизив голос, сказал:

– Вот еще что. Вы за Добронегой, той, что меня завтраком кормила, поглядывали бы. Или беседу какую с ней провели, мозги как следует вправили.

– Ты о чем? – уточнила старшая из ворожей. – А?

– Хорошая она, как видно, девчонка, но ветра в голове у нее много еще. По молодости, надо думать. Не скажу, чтобы она под меня прямо вот подстраивалась, но намеки такие строила. Дескать – ты меня отсюда заberi, а уж я тебя отблагодарю. Ну, вы поняли, о чем я? Вы ко мне со всем уважением отнеслись, я такое ценю, потому вот все как есть рассказал. Просто ведь у вас тут разные люди бывают, из числа экскурсантов, имеется в виду. Я-то ей отказал, а кто другой возьмет и согласится. Девка Добронегя симпатичная, все при ней, так что возьмет какой хмырь, увезет ее – и с концами. Хорошо еще, если нормальный попадет, а то ведь неровен час через месяц-другой где-нибудь на свалке ее труп найдут, со следами множественных истязаний. Сами же говорите – нравы теперь не те, что раньше, жизнь что людская, что ворожей куда дешевле стоит, чем в прошлом веке. Или в более старых временах.

– Все через это проходят, – еле заметно улыбнулась Яромила. – Всех поначалу тянет в город, где много людей, возможностей и свободы. Но, знаешь, почти все сбежавшие скоро возвращаются сюда, потому что понимают, что как раз тут и возможностей, и свободы куда больше, чем там. Ты же не будешь спорить, ведьмак, что вы там живете в иллюзорном мире, что

на самом деле вас опутывают тысячи невидимых нитей законов, устоев, правил... Вы связаны по рукам и ногам. А мы – нет.

– Я бы мог, конечно, сейчас вступить в дискуссию на тему того, кому и где жить свободнее, но не стану. Нет в этом смысла, потому что правда у каждого своя, такой, чтобы одна на всех, на свете не бывает в принципе. А еще у меня есть большое желание попасть в Москву хотя бы во второй половине дня, чтобы успеть кое с кем повидаться. Дела, знаете ли, они такие дела. Потому еще раз спасибо, и – всего доброго. Авось еще увидимся.

Я встал со стула, подхватил рюкзак, стоящий у печки, и направился к выходу. Поклон даже обозначать не стал, хоть и стоило, наверное, вежество есть вежество. Но – ну на фиг.

– Стой, ведьмак! – уже у самой двери услышал я голос Яромилы и не удержался от улыбки. Вот так и знал, что уйти не дадут. – У нас есть к тебе еще одно предложение. Выгодное, не сомневайся.

– Готов выслушать, – повернулся я к ним. – Но только давайте без дальних подступов и долгих заходов. Что нужно, какой мой интерес?

– С твоим интересом все ясно, ты получишь зелье, которое хотел, – с легкой ленцой произнесла старшая мать. – Сварю я его для тебя, причем все расходы по дополнительным ингредиентам мы берем на себя. А там, поверь, много чего надо помимо мандрагера. И «вороний глаз», взятый в сварожий день, и чернь-гриб, что вырос на перекрестке лесных дорог, и... Короче – та еще экзотика.

И правда, экзотика. Нет, «вороний глаз» я, конечно, знаю, ягода недобрая, но нередкая. Вот только мало какой плод до начала ноября дотянет в наших широтах, бывает, что на день Сварога уже и снег лежит. А про чернь-гриб вообще не слыхал ни разу. Чернушка, что ли? Ну, черный груздь? Скорее всего. Гриб это непростой, им, как и «вороньим глазом», травануться можно – только в путь. Плюс еще перекресток лесных дорог, который по-любому является местом силы.

Интересный какой состав у зелья, предназначенного для вытаскивания человека с того света. Прямо от противного, по-другому не скажешь.

– А взамен? – прислонился плечом к дверному косяку я.

– Да все то же, – невозмутимо ответила Яромила. – Но с одной поправкой. Мы не станем ставить тебе временные рамки. Мы заменим их словами «если получится». Если получится так, что ты окажешься в Нави, то польешь деревце, растущее на кургане, под которым спит Ладимира, водой из реки Смородины. А если не получится – не польешь.

– Не пойдет, – покачал головой я. – В последний раз, когда мне довелось там оказаться, у меня секунды лишней не было, еле ноги живым унес. Кто даст гарантию, что в следующий раз такая же ерунда не произойдет? А слово-то уже дано, получается – вариантов нет, надо его держать. То есть добираться до Смородины, холм заветный искать... Нет, не пойдет.

– Хорошо, – кивнула глава ворожей. – Сформулируем по-другому. Ты окажешь нам вышеупомянутую услугу в том случае, если у тебя в принципе возникнет такая возможность и твоей жизни ничего не будет угрожать.

Видно, крепко им моя помощь нужна, если они так... Ну, не то чтобы прогибаются, скорее, дают бешеный дисконт. Причем теперь можно даже не волноваться за то, что зелье будет тем самым, которое нужно, им жульничать смысла нет. Я так и так свистану в Навь после его использования, окажись оно некачественным, шиш эти тетки получают, а не полив зеленых насаждений.

Кстати – эти условия вполне себе пристойные. Нет, какая-то фига в кармане, разумеется, есть, но какая? Разве что...

– Еще вопрос. А не выйдет так, что после того, как я водицы под деревце плесну, кто-то попробует до моей души добраться? Или до плоти? Просто случаи разные бывают... Нет, я ни в коем разе ничего плохого про вашу прародительницу сказать не хочу, берегини вообще

очень чтимы в Ночи, хорошая память о них осталась. Даже за границей про них знают, между прочим. В Чехии, например.

– А кто это там такой сведущий? – отчего-то насторожилась Яромила.

– Да у меня в тех краях роман с одной ведьмой случился, так вот она очень уважительно отзывалась о наших берегинях. Называла их... Как же там... Гроссе туфтлериннен. Ну или что-то в этом роде. Великие делательницы, короче, если с немецкого. Ведьма немка была по рождению.

– Вот как? – усмехнулась глава экодережни. – И как звали эту в высшей степени знающую особу? Если не секрет?

– Да какой секрет, – ответил я. – Генриетта.

– Симпатичная, лет тридцати, томная, как будто чуть сонная? – моментально уточнила Яромила. – Да?

– Да, – немного удивился я.

– Интересные у тебя знакомства, Александр, – чуть сузила глаза моя собеседница. – Удивил. Расстался с ней добром? С братцем ее названным не повздорил, часом?

– Полюбовно разошлись. А брата только видел пару раз, мы даже толком не общались, – кивнул я. – А в чем дело-то? Что не так?

– Если добром, то все так. Не забивай себе голову. Так что, согласен или нет? Это последнее предложение, других не будет.

– Вы на мой вопрос не ответили, – напомнил я.

– Клянусь именем матери нашей, берегини Ладимиры, что нет в предложении моем никакого второго дна, что опасности никакой для тебя и души твоей оно не содержит, что после того, как ты выполнишь мою просьбу, оттого лиха с тобой не случится ни в Нави, ни здесь, в нашем мире. За иные опасности не скажу, тут сам разбирайся, а нам надо просто, чтобы ты взял и полил ивушку на кургане. Все! Ну и еще кое-какие слова при том произнес. Текст, если договоримся, мы тебе выдадим.

– Тяжело с тобой, Саша, – вздохнула Верея и подперла щеку кулаком. – Родись ты девкой, целкой бы помер.

– Учителя хорошие были, – и не подумал смущаться я. – Крепко в голову вбили, что сначала надо думать и только потом соглашаться на то, что предлагают.

– И правильно, – одобрила Яромила. – Всяк из нас свою выгоду ищет, любой желает получить нужное даром. Но мы тот максимум скидок, который возможен, уже сделали. Не устраивает, значит, в самом деле не договорились.

– Сколько по времени зелье делаться будет?

– Дней пять, – ответила Яромила. – Его в два захода варят. Первый раз с одними травами, теми, что на смерть со старых времен заговорены, второй раз другими, теми, что жизнь несут. Да пока настоится... Короче – пять дней минимум. Но не больше недели.

Вот зачем все это, а? Моей же выгоды тут никакой нет. Кто мне эта Бэлла, для чего...

– Договорились, – я протянул руку Яромиле. – Если сложится, полью я ваше деревце.

– Не будь ты Ходящим близ Смерти, не взялась бы я за варку этого зелья, больно хлопотно, – рукопожатие у старшей матери ворожей оказалось крепким, мужским, – да еще на таких условиях. Но увы, других таких, как ты, в наших краях нет, так что деваться некуда. Давай мандрагыр.

Надо заметить, что после того, как корень перекочевал из моей сумки в карман Яромилы, мне выдали бумажку с напечатанным на ней текстом, а после довольно шустро препроводили к выходу с фермы, причем чуть ли не в спину подталкивали. Оно и понятно, что желали – получили, на кой я им там сдался? Более того – мне было сказано, что за зельем самому приезжать не надо, мне его в Москву привезут. Прямо домой доставят.

Но одну интересную деталь я все же заметить успел. Мусор, который является естественным спутником хоть человека, хоть ворожеи, здесь расфасовывали в здоровенные мешки, которые после складировались на той границе, которая пролегла между деревней и остальным миром. Находились они, разумеется, в сторонке, на специально огороженной площадке, к которой раз в несколько дней, а то и чаще, приезжал мусоровоз. И вот когда я уже почти покинул экоферму, то бросил взгляд в ту сторону и смог разглядеть несколько забавных фенечек, которые юная ворожея как раз перегружала в черный плотный мешок вместе с остальным мусором, преимущественно состоящим из грязных тряпок. Тех самых фенечек, которые вчера были на руках у девушки Полины, что прибыла со мной сюда, я их сразу узнал.

Года три назад я бы непременно остановился и попробовал что-то узнать у Вереи, идущей за мной следом. А сейчас... Полли знала, куда едет и чего хочет, это был ее выбор. Не в смысле, что я должен его уважать, это все дежурные слова для тех, кто хочет и неприятностей не нажать и хорошеньким остаться. Просто каждый сам выбирает свою судьбу и сам после отвечает за свой выбор. Это было ее решение, значит, пусть будет так.

Но ворожеи, конечно, те еще... гражданки. Сила извне, значит. Ну-ну. Запомним, а лучше запишем. Авось когда и пригодится.

– Ну наконец-то! – всплеснула руками Жанна. – Я уж чего только не передумала за это время.

– Все мозги мне расплавила, – пожаловался Толян. – Хоть они и призрачные теперь!

– Ведьмак! – окликнул меня девичий голос. – Эй, ведьмак!

Это была Добронегга. Она задорно мне подмигнула, а после показала язык. Злобы на меня или какого-то разочарования в ее голубых глазах ни на грамм не имелось, из чего можно смело делать вывод – девчоночка-то той еще щучкой, похоже, вырастет. Зубастой и беспощадной.

Василий, которому я позвонил сразу же после того, как вышел с экофермы и договорился о встрече на остановке, что приятно, подъехал за мной быстро, я даже в хваленый магазин ворожей заглянуть не успел. Да и не очень хотелось, если честно. Я лучше на автовокзале пирожков куплю, чем тут.

Впрочем, есть мне не хотелось, больно хорошо меня на экоферме накормили. Полупустой автобус, на который я чуть не опоздал, время от времени поскрипывал на поворотах, в салоне было душновато, и меня уже почти сморил сон, как в кармане задергался смартфон. Дружок мой закадычный, помощник Носова. Интересно, чего ему надо? Или он мальчик-метеор, уже все по моему заказу сделал?

– Добрый день! – поприветствовал меня Александр. – Удобно разговаривать?

– Да, тетка, удобно. Что случилось?

– Небольшой форс-мажор, Илья Николаевич возвращается в Москву чуть раньше и хочет завтра вечером вас видеть. Вот, звоню узнать – сложится встреча или вы опять начнете свои номера устраивать? Ну, «не могу», «не хочу», «мне не до вас».

– Вот не надо из меня невесть кого делать, – попросил я его. – Не надо. Да, характер у меня не сахар, мне это и самому известно, но не настолько же? Если позвонить заранее, как вы сейчас, и обойтись без диктаторских замашек класса «одевайся, дурак, обувайся, дурак, поедем, дурак, к царю, дурак», то со мной вполне можно иметь дело. Так что не вопрос, буду. А если машину пришлете, то еще и к нужному времени.

– Пришлем, – подтвердил Александр. – Ну и еще заранее я вам позвоню обязательно. Мало ли что? У них там, на Филиппинах, сейчас сезон дождей как раз начался, так что запросто нелетная погода может образоваться.

– Это да, – согласился я. – Натянет муссон тайфун дня на три-четыре – и все, сиди жди, пока распогодится. А что с моей просьбой? Насчет профессора? Делается?

– Уже. Только что выслал вам результат на почту.

– Да ладно? – изумился я. – Так быстро?

– Время есть, сам занялся, – пояснил Александр, удивив меня тем, что чуть ли не впервые за все время нашего с ним общения в его голосе я услышал добродушные нотки. – И сотрудников к работе привлек, чтобы не разленились, пока хозяин в отъезде.

– Вот за это спасибо! – искренне поблагодарил его я. – В смысле – за скорый результат. Прямо порадовали!

– Не за что. И вот еще что, Александр Дмитриевич. Совет вам дам – поосторожней выберите себе дам для постельных утех.

– Это вы о чем? – чуть напрягся я. – Вернее – о ком?

– В компании Ряжских работает девушка Олеся, с которой вы, насколько я понял, поддерживаете отношения особого толка, – пояснил собеседник. – Она говорит очень много лишнего, причем не тем людям, которым бы следовало. Но еще хуже то, что эта девушка не очень разборчива в способах заработка.

– Саша, вы можете обойтись без тонких намеков на толстые обстоятельства? – возмутился я. – Скажите прямо, что и как.

– Вчера с этой Олесей встречался Полежаев. Помните такого?

– Нет, – честно ответил я. – А это кто?

– Начальник охраны господина Белозерова. Вы точно с ним знакомы.

А, Михаил, грозный пахарь одной из дочерей олигарха. Как же, помню, просто фамилия его из головы вылетела. На редкость неприятный тип, чего скрывать.

– Понятно. И что?

– Сначала он купил у этой Олеси всю информацию, которой она владела. О вас, как понимаете. После заплатил за что-то еще, причем весьма щедро. За что именно – не знаю, хотя кое-какие предположения на этот счет у меня есть.

– У меня, похоже, тоже, – невесело произнес я. – Да, блин, только этого мне и не хватало.

– Еще стоит отметить, что после беседы с сотрудницей Ряжских он сел в машину, за рулем которой находилась младшая дочь Белозерова, Марина. Насколько я понял, она как минимум в курсе происходящего или даже финансировала Полежаева.

– Мне стало еще веселее. Добивайте, если есть чем.

– На этом почти все. Добавлю только, что наркотики Белозеровой-младшей поставляет именно Михаил. Подозреваю, что он ее на них и посадил. Ну, а про его тесные отношения со старшей дочерью Вадима Евгеньевича вы в курсе. Выводы, полагаю, можете сделать сами?

– В длинную товарищ играет, – пробормотал я. – Стратег, мать его так!

– Стратег, – подтвердил Александр. – Его хорошо учили, а он, в свою очередь, отлично учился. Поверьте, Полежаев очень опасный противник, особенно при открытом столкновении. И как стрелок, и как рукопашник он очень хорош. Не знаю, на кого посоветовал бы вам делать ставки, случись мне столкнуться с ним лоб в лоб.

– Уже напугали, – вздохнул я. – Вопрос – что дальше?

– Не знаю, – бесстрастно ответил помощник Носова. – Я изложил данные, которые, по моему, вам могут быть полезны. Что с ними делать – думайте сами. Всего доброго!

– Стоп, воронье! – гаркнул я, заставив дернуться плотную тетку, сидящую передо мной и всю дорогу хрустящую чипсами. – Еще пара вопросов появилась!

– Слушаю.

– Первое – а с чего вы вообще следили за Олесей? Ну или за Михаилом. С какого перепуга они попали в орбиту вашего внимания?

– Ответа не будет. Наши дела – это наши дела. Второй вопрос.

– Ведь у вас есть видео, на котором Полежаев передает наркотики младшенькой Белозеровой? – понизив голос до шепота, уточнил я. – Есть же?

– Есть, – выдержав паузу, ответил Александр.

– Вышлете?

– Пока ответа не дам, – и снова заминка. – Мне надо кое-что уточнить.

Темнишь ты что-то, братец, ой темнишь. Руку на отсечение дам, я стал частью его оперативной разработки, и назначение у меня самое простое – быть разыгранным втемную. Условно, конечно, но тем не менее. Нет, насчет доченьки Белозерова, той, что в ноздри долбится, я еще вчера призадумался, после рассказа Маринки. Но с ней все просто и понятно, она на меня вот такой зуб заимела за то, что я ее папе слил, а тот после запихнул кровиночку в рехаб. Девчонка она молодая, импульсивная, избалованная, само собой, ретивое взыграло, возникло желание отомстить черту, который ее привычный образ жизни поломал. Интересно, кстати, как она из рехаба смылась, там вроде охрана такая, что иная тюрьма позавидует.

Выбор напарника тоже неудивителен. Для Михаила я прямая и явная угроза, слишком много знаю и невесть что могу выкинуть, плюс, как и в случае с дочкой хозяина, я ему планы порушил. У него же все катилось что по маслу, тут возник я, и все пошло юзом.

Но вот что тут не монтируется – как Александр про все это узнал? Ушей и глаз у него в имении Белозерова нет, за что ему босс при мне фитиля вкрутил, а уж про видео, на котором начальник охраны наркоту младшенькой передает, я вообще молчу. Это же не на улице происходило наверняка, а дома, в родных стенах. То есть такое может снять только тот, кто там живет, кто в курсе всего происходящего.

Альбина – вот ответ на все вопросы. Это ее рук дело. Не добившись успеха напрямую, сия деятельная особа стала изыскивать другой вариант для устранения проблемы по имени Михаил все теми же моими руками, и ведь отыскала в лице Александра. Она знала как то, что я вхож в дом Носова, так и то, что для его помощника начальник охраны конкурента является бельмом на глазу, после сложила два эти обстоятельства в одно, а затем взяла, да и разыграла эту карту. Уж не знаю, под каким именно предлогом, может, со словами «У нас с вами одна проблема на двоих», может – «Я знаю, как этот славный юноша дорог вашему шефу, потому не могу молчать». Да это, собственно, и неважно. Главное, что Александр счел данную комбинацию для себя полезной и приступил к ее реализации.

А самое поганое то, что, похоже, все выйдет так, как им и нужно. По ходу, Михаила придется убирать, не дожидаясь того момента, пока он доберется до меня первым. А этот товарищ может. Нанимал стрелка Носов, не нанимал – поди знай, но вот он точно найдет тех, кто за денежку меня на ноль помножит. Или уже нашел. За что он Олесе вторую часть денег дал? Не просто же так, как бонус за рассказ. Явно там что-то другое.

Елки-палки, как же они все мне надоели со своей возней! Вот честное слово, если бы не моя доброта и не отдел с их принципиальностью, прямо сегодня отправил бы Павлика в имение Белозерова с тем, чтобы там, кроме детей, к утру никого в живых не осталось. Ну а чуть погодя, как колдуна изведу, еще бы Маре предложил в гости к Александру наведаться. Потому что нечего играть с огнем в моем лице, добром такое не заканчивается.

В руке завибрировал смартфон, который я так и не убрал в карман. Легка на помине – Олеся.

– Добрый день, Александр Дмитриевич, – прощебетал в трубке знакомый голосок. – Это Олеся, ваш секретарь.

– Форсировать события не стоит, – буркнул я. – И делать подобные выводы после одного моего визита в офис тоже.

– Как раз хотела уточнить – вам у нас не понравилось? Просто один раз побывали – и все. Может, есть какие-то пожелания, что-то в кабинете стоит переделать? Может, мебель другую заказать? Что не так?

– Все у вас замечательно, одно только не так – я.

– Простите?

– Иногда люди понимают, что они находятся не на своем месте, – пояснил я. – Тут как раз такая ситуация. Так что, Олеся, не быть вам моим секретарем. Что до офиса – скажите кому

следует, хоть бы даже и Ряжскому, что я на этот кабинет больше не претендую. Претензий никаких нет, просто не сложилось.

Молчит, видимо переваривает информацию. Ну, и скорее всего, думает, как теперь полученные за меня деньги отработать. Ладно, чуть-чуть стимулирую ее мыслительную деятельность.

– Так что, Олеся, всего тебе хорошего, а именно карьерного роста и финансового благополучия. Пока!

– Стой! – пискнула отчаянно девушка. – С кабинетом не сложилось, да и ладно. Но просто так, вне работы, мы же можем общаться? Тем более что у нас уже есть общее настоящее. Ну, тогда, в больнице, помнишь?

Прямо на интимное «ты» резко перешла.

– Это было приятное настоящее, – добавил меда в голос я.

– Может, и хорошо, что тебе у нас не понравилось. Работа есть работа, там ты начальник, я подчиненная. А теперь все проще – Саша и Олеся. Мы можем быть самими собой, да?

– Да.

– Давай на этих выходных ко мне на дачу съездим? – предложила девушка. – Родители туда совсем перестали выбираться, так что в доме будем только ты и я. Там речка, лес, тишина.

И ребята с автоматическим оружием, которые наделают в нас много-много дырок. Или, что вернее, всего один хороший спец, который представит всё как несчастный случай. Мы в доме сгорим или в речке утонем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.